

ПЕТР ИНГВИН

ЗИМОПИСЬ

КНИГА 2.2

КАК Я БЫЛ ВОЛКОМ

16+

Зимопись

Петр Ингвин

**Зимопись. Книга вторая.
Как я был волком**

«Автор»

2016

Ингвин П.

Зимопись. Книга вторая. Как я был волком / П. Ингвин —
«Автор», 2016 — (Зимопись)

Что будет, если подростки - носители традиционных ценностей - попадут в мир иной морали? «Зимопись» – завершенная девятитомная фантастическая сага о любви, верности и долге, завернутая в щекотливые приключения с провокациями на темы семьи и политики. Дизайнер обложки Галина Николаиди.

© Ингвин П., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Часть вторая	21
Глава 1	21
Глава 2	27
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	43
Глава 6	48
Глава 7	52
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Петр Ингвин

Зимопись. Книга вторая. Как я был волком

Часть первая

Рыкцари

Глава 1

...Заигрывавшие с солнцем облака убежали за ним и дружно рухнули в пропасть за край горизонта. На невидимой ветке перезревал надгрызенный кем-то месяц. С почерневшего потолка небес вылупили глазенки вытравленные перекисью водорода звезды, скопом крашенные по моде в одинаковое платиново-белое...

Фу, как приторно. Словно в женский роман башкой вниз по самые бубенцы. Но ведь потянуло на сопливую романтику. Все потому, что новые отношения доверительности, установившиеся с Томой, вознесли чувствительность на невероятную высоту.

Для четырнадцати лет это нормально. Такой выброс адреналина. Такой всплеск эмоций. Последствия пережитого стресса. Причем, постоянного, если брать последние две недели. Портал, что именуется здесь причалом, выкинул меня с еще тремя «везунчиками» в другой мир, здесь верят в бога женского пола, жены имеют по три мужа, большая часть населения живет в бронзовом веке, а оставшиеся непонятно кто и почему. Царевны играют в футбол, а собак зовут волками. Тайны, загадки, секреты, мистика. Насчет последнего – пардон, некоторые моменты только выглядят сверхъестественными. До сих пор любые загадки получали вполне земные объяснения.

Даже такая. Когда через земли цариссы Дарьи прошли посторонние, одни утверждали, что видели шайку разбойников, которых здесь называют рыкцарями, другие упорствовали, что это была дружина царевны Деметрии, дочери Верховной царицы. Правы оказались все. Когда рыкцари отбили меня с Томой у удочерившей нас цариссы, к ним в логово пришла именно Деметрия. Она же повела сборное воинство на башню Варфоломеи, первую в списке планирующих побед.

– Настали великие времена, – провозгласила царевна во время привала. – Начало новой эры. Скоро это почувствуют все.

Место, выбранное для ночевки, не слишком отличалось от прочих, мы просто поднялись на лесистый пригорок, откуда хорошо просматривались окрестности. На небе уродской улыбкой Гуинплена смеялся месяц. Предгорный лес принял в себя отряды разбойников равнодушно, как продажная девка очередного клиента, вооруженная масса втекла в его живое тело и нагло расположилась, не встречая сопротивления – не считать же за таковое изредка перегораживавший путь упавший сухостой. Лес был глух к людским чаяниям. В святая святых он пускал существ, не имевших за душой ничего святого, и укрывал зеленым одеялом всех нуждающихся – как праведников и заблудших, так и убийц с насильниками. Деметрия оказалась в центре этого шабаша, ошестинившегося жалами костров и шипами копий дозорных. Дружина расположилась вокруг царевны, даже среди союзников охраняя хозяйку. Уставшие от долгого перехода, отвыкшие от передвижения без коней, дружинники внешне выглядели хуже разбойников: блестящие доспехи запылились, спины ссутулились. А рыкцари, наоборот, принялись споро хозяйствовать, рубить дрова, готовить ужин. Это была их обычная жизнь.

Спать, видимо, будем здесь же, кто где остановился. В голове бродили мысли о том, как перевернуть ситуацию в свою пользу, как и куда сбежать, как во имя добра тихо вырезать окружающее зло и сделать всех счастливыми. Набрал огромную охапку листьев, чтоб было мягче, я присел возле Тома – ее положили под дерево на самодельных носилках. Прогибавшиеся и последние полчаса опасно потрескивавшие поперечины выдержали поход, но теперь жутко упирались в грудь и живот. Томины глаза напоминали взгляд брошенного щенка: жалобный, умоляющей об участии, ласке и хоть о чем-то хорошем в этой жизни.

– Помочь? – склонился я к ее лицу.

– Сам-то как думаешь?

– Думаю, что-то надо, но на лбу не написано.

– Слезть мне надо с этой решетки для барбекю!

Проходивший мимо рыцарь услышал краем уха.

– Помочь, царевны?

Мешок, который он нес, грохнулся наземь, растопырившая руки фигура шагнула к нам, облизываясь всем, чем нельзя.

– Нет! – Одновременный двойной вскрик привлек внимание многих.

Рыцарь пожал плечами, тропинка увела незадачливого помощника по заждавшимся делам. Проводив его взглядом, я зверской рожей заставил отвернуться оставшихся любопытных, затем разровнял принесенную листву. С моей помощью Тома осторожно сползла на получившийся настил. Если верить костоправу, то на ноги она встанет завтра-послезавтра. Вернее, попытается встать. Пока пусть лежит. Да и мозоли, натертые седлом, подживут.

Лес быстро темнел, по нему пронеслось быстрое переключивание. Несколько рыцарей, двинувшиеся вниз за водой к невидимому отсюда водоему, с кем-то повстречались. Громкие голоса раздались и с других сторон. Похоже, свои. Потом еще свои. Полным-полно своих. Лес переполнялся и вспучивался, как зараженный организм от вирусов перед смертельным исходом.

Деметрия светила довольством, глядя на прибывавшие отовсюду новые группы рыцарей.

– Приветствую, Грозна. Счастлива, что вижу в добром здравии.

Вождыха, только что отправившая отряд располагаться в лесу неподалеку, кратко кивнула.

– Мое почтение, царевна. Я привела всех, как договорились.

Высокая, красивая и – учитывая, что, руководя сворой бандитов, все еще жива – умная, эта хмурая женщина могла бы составить кому-то счастье, а доставляла наоборот. Водянистые глаза глядели сурово, губы исчезали, когда сжимались, прямой нос был длинноват и походил на клюв. Оказаться на расстоянии клевка не хотелось. Тело, отмеченное шрамами, большей частью покрывал стандартный рыцарский доспех: кожано-ременная сбруя поверх рубахи и штаны, заправленные в сапоги. Светлые волосы, забранные в хвост, спускались на отороченный мехом ворот, выполнявший роль бармицы и, частично, наспинника. Шлемов разбойники не признавали. Несколько бронзовых блях соединяли ремни на груди, тоже неся защитную функцию. Узкий меч, кривой нож и гнук в совмещенном с колчаном налучье составляли личное оружие. Вождыха смотрела на окружающих как на мельтешащих муравьев, не убиваемых только потому, что они играют какую-то роль в экосистеме и могут пригодиться. Собственно, это и есть основа гуманизма, что практикуется любым правителем. Грозна не верила в людей и, в отличие от Деметрии, не скрывала этого. Из нее вышел бы более честный начальник.

Грозна ушла к своим, а к царевне приблизились еще двое. Одного я помнил по нападению на школу. Кажется, Таскай Прибрежный. Второго, побитого жизнью усача с ироничным взглядом, Деметрии представили как Сивко Предгорного. Каждый привел отряды в несколько десятков бойцов. Армия Деметрии росла, как навоз на дрожжах.

– Кудеяр не пришел, – объявил Таскай, настолько ничем не примечательный, что непонятно, как выбился в руководители. Остается допустить, что его отряд состоит из еще больших посредственностей.

– Отказался?! – На скулах царевны заиграли желваки.

Рыцари, до того небрежно стоявшие перед царской дочкой, отвели взоры. Никто не желал отвечать за собрата, поставившего собственные интересы выше общих.

– Что-то случилось. Гонцы обошли возможные места его лагеря. Пусто. Оставленные послания никто не взял. Сигналы дымом не сработали. И мы видели много следов царберских коней.

– Разбит?

– Следов боя нет. Но есть странность. Сколько человек в его отряде?

– Три-четыре десятка, как у вас. Плюс-минус дюжина – в зависимости от переменчивых настроений крепостных.

– Там под сотню человек ушло в центральную часть страны. Где проходили по мягкой земле, целую тропу протоптали.

Мы с Томой располагались вроде бы в сторонке, но в пределах слышимости, и отказывали себе в лишнем вдохе, боясь пропустить хоть слово. Тома нашупала и до боли сжала мою руку. Малик – последняя надежда на то, что кто-то всемогущий придет и поможет, решив за нас наши проблемы, иначе придется все делать самим, в том числе – искать и выручать самого Малика. А если подросткам придется выручать могучего бойца – значит, дело дрянь.

Через час покормили похлебкой. На этот раз Тома ела за троих. После ужина, в полной темноте, разнесся приказ командирам прибыть к царевне.

Дымно запыхали факелы. Под надзором дружинников четверо вождей присели возле Деметрии, по-самурайски величаво застывшей на коленях. «Язык» Напраса Молчаливого держался неподалеку, готовый прибыть по первому клику. Деметрия заговорила.

– Здесь собрались четыре отряда и моя дружина. У меня есть сторонники во многих башнях, но не у Варфоломеи. Это дело поправимое, но в сложившихся условиях вряд ли нужное, грядущий день многое изменит. Завтра мы делаем первый шаг к новому миру.

– Первый шаг мы делали у школы, – нехорошо упало с губ Грозны Святой. – Смачный такой шаг, словно в нужник по макушку.

– Если кого укорять... – Глаза Деметрии сузились до прорезей бойниц. – Во-первых, меня там не было. Во-вторых, я расписала план пошагово, нужно было выполнять, а не разбегаться при первом сомнении.

– Ученицы погибали! – Сидевшая на корточках Грозна выпрямила позвоночник и на уничтожающий взгляд царевны ответила жестким вызовом: – Могли погибнуть все! Какой смысл разрушать школу и наживать новых врагов, если ученицы не перейдут к нам?

– Вас обвели вокруг пальца. Мой источник поведал лишь в общих чертах, а сейчас мы узнаем детали. Царевна Чапа, расскажи нам, что сделала Дарья.

Уйма взглядов, недобрых и откровенно злых, уставились на нас с Томой.

Для тех, кто не в курсе: почему то все в этом мире принимают меня за девочку. Я успешно пользуюсь положением. Об успехе свидетельствует то, что еще жив и даже здоров. Девочек из нашего мира здесь объявляют ангелами и зачем-то везут в крепость к Верховной царице. Мальчиков считают чертями и убивают на месте. Любопытная такая местная причуда. Фольклороведы кипятком бы писали. А я не оценил. Сказали, девочка – хорошо, буду девочкой. Тем более, царевной. Чего бы не поцаревничать на досуге. Мне кажется, многие поменялись бы со мной даже наплевав на опасность разоблачения.

Оглядевшись, я немного поколебался. Ладно, тайны уже не открою.

– Были нарушительницы закона. Им предложили почетную смерть на стене вместо казни на кладбище. Как раз хватило, чтобы обмануть осаждавших.

– Там была преемница Верховной! – воскликнула Грозна.

– Назначенная возможная преемница, – едко поправила Деметрия. – Первая из многих, кто ко дню вступления на престол тысячу раз может сменить статус. Чапа, в чем ее обвиняли?

– Не восставай на жизнь ближней своей, – сурово продекламировал я.

– Минута терпения – и вы победили бы! – Деметрия нервно вскочила. – Поняли, в чем проблема? Отсутствие дисциплины. Приказ нужно выполнять, а не обсуждать!

– Ты, царевна, остынь, не кипишишь, – к всеобщему изумлению осадил ее новоприбывший главарь Сивко Предгорный. Движения у него были развязны, взгляд ершист, кожаный доспех – максимально усилен бронзой и меховыми накладками. Размеры меча сообщали о скрытой силе – наверное, кроме него только Малику под силу махать такой рессорой от карьерного самосвала. – Мы тебе не слуги и не крепостные. Нам нужно объяснить, и мы поймем. Хорошо объяснишь – правильно поймем. Чтобы раздавать приказы, поживи с наше. Мы люди простые, слова понимаем, если за ними что-то стоит.

Сивко, изображавший простоту, был непрост, это чувствовалось кожей и третьим глазом, если он есть. А он есть, ибо орал прямо в мозг, что с этим язвительно-ядовитым типом связываться не стоит. Чем с ним, лучше уж с Грозной – прямой, как палка, и морально, и физиологически. Или с Напрасом, чьи намерения крупным шрифтом возникали на лбу еще до того, как он сам прочтет их в собственной голове.

– Простите. Не хотела никого обидеть. – Деметрия взяла себя в руки, под опустившимся на место телом с гордо разведенными плечами звякнула бронза, скрипнула раздавившая траву юбка доспеха. – Поймите и меня. Без единоначалия любая армия превращается в стадо, его легко разгонит кнутами небольшой организованный отряд.

Ну почему проводники такой шикарной идеи, как всеобщее равенство, всегда сволочи и бандиты? Если б не они, я был бы за идеи царевны душой и телом. Робин Гуды, столетний хрен им в глотку.

А людям почему-то нравятся Робин Гуды, банальные бандиты с большой дороги. И не нравятся те, кто от бандитов защищает. Что за менталитет такой, вывернутый наизнанку?

– Вспомни, почему мы примкнули к тебе, – со значением произнес Сивко.

Таскай, Напрас и Грозна одобрительно кивнули.

– Не просто примкнули, – напомнила Деметрия. – Дали присягу. Как присягнули еще Ваула Северный и Пеняйка Злая, ожидающие моего сигнала в северной части страны.

Крупные пальцы Сивко со скрипом почесали за ухом, он не стал спорить:

– Да, присягнули. Потому что обещанный новый мир предполагал равноправие. Наши голоса не менее равны, чем твой, потому – не перегибай.

Все время разговора рыцарские военачальники недовольно оглядывались в нашу с Томой сторону. Таскай, наконец, не выдержал:

– Почему они здесь? Нас вроде бы звали на военный совет.

– Это переносчики нужных идей в недоступные вам высшие слои общества. Нам с ними долгие годы работать бок о бок.

– Короче, открывалки башен, – уловил главное Сивко.

Злая ухмылка превратила его лицо в маску смерти.

Меня передернуло.

– Нет! – Деметрия тревожно покосилась на нас. – Только вместе мы построим новый мир. От юных царевен, от их к нам расположения зависит многое. Количество жертв при штурме и сама необходимость штурмов. Симпатии к нам других царевен...

– Мы поняли. – Грозна сообщнически переглянулась с другими главарями. – Перейдем к делу. Кто пойдет переговорщиком?

– Не найдется желающих – назначим, – легко решила проблему Деметрия. – В башню идти не нужно, достаточно докричаться. И показать товар лицом.

Ее глаза нервно скосились на нас.

– А если Варфоломея не полная дура и в ответ плюнет нам в лицо? – предположила Грозна.

– Она не дура, – уверенно дополнил Сивко, пряча в усах усмешку, – и не полная.

– На этот случай тоже есть план, но о нем – завтра.

– Тогда о чем говорить? – Сивко поднялся, демонстративно больше не глядя в нашу «ангельскую» сторону. – Завтра и поговорим.

Главари холодно откланялись.

Некоторые моменты разговора оказались скользкими, поэтому Деметрия пересела ближе к нам:

– Понимаете, девочки... Рыкцари – хоть и воины по сути, но во многом как дети. Не понимают, что разведка важнее доблести. Вообще не понимают, что она нужна всегда. Три ошибки они допустили при осаде школы. Первая: не проверили, чтобы в объекте штурма не было боеспособных посторонних. Вторая: не дождались отъезда начальства для дезориентации в плане командования и ответственности – никто не захочет взять на себя чужие смерти, если можно обойтись без них. И третья: не создали ситуацию, в которой нужно тебе будет для противника единственным выходом, и он предложит его сам. Потом останется только поворчать да поторговаться.

– Политика, – вздохнул я.

Тома только моргнула. С дерева спланировал и опустился ей между лопаток колючий сухой листик. Она попробовала достать рукой. Усилие мышц отдалось в ноги, это вызвало болезненное содрогание. Незваного гостя пришлось убирать мне.

– Именно, – согласилась Деметрия. – Политика. Без нее никуда. Верховной царицей может стать только лучший политик, а я хорошая дочка своей мамы.

– Она предпочла Аглаю.

– Я могла править не хуже этой выскочки, – отсекала Деметрия. – Мама все еще подчиняется установленному в стародавние времена запрету на династии.

– Видимо, причина была серьезная, – предположила Тома, о-очень осторожно меняя позу, чтобы обернуться к нам лицом.

– Царица для того и царица, чтобы устанавливать свои правила, новые, лучшие.

– Ты так и сделаешь, когда станешь царицей, – угодливо сказал я.

Что ж, лизнул, теперь хватай, пока тепленькое.

– Что в крепости ждет ангелов? Говорю не о нас, – мигом поправился я, – а вообще. Что произошло с прошлыми ангелами? Вы же знаете?

– Не важно. – Деметрии действительно было не важно. – Мы установим другие законы. Отныне ангелы будут помогать мне строить новое общество.

– Царевна Деметрия, – вклинулась Тома, добавив голосу просительные нотки, – можно обратиться с просьбой?

– Чем могу, юная царевна?

– Подойдите ближе, скажу на ухо.

Деметрия метнула значимый взгляд дружинникам. Сразу трое приблизились с копьями, не оставляя Томе ни единого шанса для дурных мыслей. Только после этого царевна склонилась к лежавшей девушке.

Тома шептала недолго.

– Почему не Чапа? – оглянулась на меня царевна.

– Я тяжелая, – убежала взглядом Тома, выданная с головой.

Опять зашептала.

– Какие глупости, – снова громко ответила Деметрия. – Не считая того, что ты тоже царевна, в первую очередь ты ангел. «Если я встречу ангела, я стану ему другом и помощни-

ком», каждый здесь выполнит любую твою прихоть, даже совершенно неверующий. Можно не верить в Аллу, которую никто не видел, но нельзя не верить в ангелов. Так что... Епанча!

К нам подбежал рыцарь, который следил за нами, ангелами, от отряда Напраса.

Даже друг другу не доверяют. Впрочем, мы добыча именно Напраса. Деметрия для него хоть и большая шишка, но не настолько, чтобы забрать добычу, ничего не предложив взамен.

– Ангелу Томе надо по-большому, – деловито объявила Деметрия на весь лес. – Отнеси.

Тома закрыла лицо руками.

– С превеликим удовольствием, – осклабился Епанча. – Как вас получше взять, царевна?

Глава 2

Весь следующий день мы опять шли. Тому несли, часто меняясь спереди и иногда с помощью драки отстаивая право идти сзади, шутки при этом гремели такие, что я не приближался, стараясь не смущать еще и этим, а лежавшая ничком Тома краснела и большую часть пути вообще не открывала глаз.

А я глядел вовсю. Леса сменялись полями, количество возделанной земли увеличивалось. Слева стремительно приближались горы. Впереди под вечер на грани видимости смутно замаячил силуэт башни.

В душу словно стая ворон облегчилась. Скоро с нашей помощью будут брать башню Варфоломеи. И у рыцарей есть шанс. Не тот, на который они рассчитывают, если просто предъявят нас в обмен на открытие ворот. Семья для Варфоломеи – только она сама. Свою жизнь за нас, хоть сто раз удочеренных, царисса не отдаст. Сломаться может милая добрая Зарина. Человечность возьмет верх, и она пустит противника в ворота или откроет какой-нибудь подземный ход. Или веревку в окно сбросит, не знаю, как они тут врагу помогают, если душа болит и сердце требует. Но с нее станется.

Если же ворота не откроются...

Страшно думать об этом. Но надо. Скорее всего, Деметрия показательно сотворит что-нибудь с одним из нас. Жестокостью зрелище должно впечатлить защитников башни и подвигнуть на почетную сдачу.

Эх, была бы Тома на ногах...

Попытались бы сбежать. Как угодно. Вплоть до тупого прорыва без всякого плана. Даже смерть в этом случае лучше предуготовленной участи.

А может быть, я недооценил царевну, и у нее другой план? Душа надеялась, что все именно так. Мозги грустно удивлялись наивности души.

К ночи мы вновь расположились на ночлег в лесу. До башни оставалось ровно столько, чтобы нас оттуда не заметили.

На этот раз военный совет провели без нашего участия. О чем говорили – неизвестно. Охранявшие нас рыцари Напраса в это время обсуждали царевну. Доносились только голоса:

– С ней что-то не так? Такая красавица – и без мужей. Неправильно это.

– Красавица? Змея она подколотная.

– Змея, зато красивая.

– Говорят, долго ездила по башням, знакомилась с войниками, обольщала и раздавала авансы. Потом была святой сестрой, переманивала царберов.

– Царберов?!

– В храме и в командировке. Семейную царевну за километр бы обходили...

«Километр», снова отметил я, как до этого «тонну». Откуда у них метрическая система?

– ...а так каждый на что-то надеется. Некоторые готовы за нее в огонь и в воду.

– Что там некоторые, все готовы!

– Дурни.

– А бы рискнул. Чего терять? А тут – царевна, да еще с бездонными перспективами...

– Бездонными – это да. Правильное направление указал.

– Ну, умопомрачительными. И сама она умопомрачительная. И не змея вовсе. Она за всех нас жизнь кладет. Могла бы отхватить башенку на забаве и в ус не дуть. А она за нас. За простых. Чтоб у всех было все.

– Это да, я согласен.

– Раз она такая простая и за нас, значит и мужья ей нужны из наших?

– Думаешь, выберет тебя?

– Слащавых благородных навидалась, а нормального мужика, видать, не повстречала. Раз до сих пор никого не выбрала, может, именно меня ждет. Нужно лишь проявить себя как-то.

– Не выбрала, чтобы прочих не оттолкнуть. Ей нужны все. Сразу.

– Пока власть не захватит.

– Думаешь, захватит?

– А мы на что?

– А мы не за нее, мы за себя.

– Так ведь и она за себя, но с нами.

– Говорят, она троюмужество отменит. Будет по одному, как до акапалипса.

– Ерунда. Я слышал, каждому разрешат супругов столько, сколько захочется. Хочешь одного – пожалуйста. Хочешь больше – никто не запретит.

– А жен? Или только мужей?

Спор затих.

Я посмотрел на месяц, в голове что-то шелкнуло.

– Сколько дней мы здесь?

– В этом мире? – тихо уточнила Тома. – Сегодня пятнадцатый.

– Точно? Дельтаплан мы заказывали на третье июня, значит сегодня семнадцатое.

– Ой... – Тома прикрыла рот ладошкой. – У тебя день рождения?

Я печально кивнул. Пятнадцать. Совсем взрослый.

– Что тебе подарить? – с любопытством спросила Тома совсем как дома.

Очевидная глупость вопроса повергла в уныние. Что она могла в этом мире?

– Подвинься ко мне, – донесся ее мягкий шепот. – Ближе. Еще ближе. Ну что ты как не родной? Обними рукой, вот так. С днем рожденья те-е-бя-а, с днем рожденья те-е-бя-а... С днем рожденья, милый Чапа, с днем рожденья те-е-бя-а-а...

Шепчущее ласковое пение навернуло слезы. Страшно захотелось открыть глаза, а все происходящее – сон.

Нежный чмок в нос завершил поздравление.

– Все будет хорошо, Чапа. Правда?

– Обязательно, – срывающимся голосом подтвердил я.

На то, чтобы не расплакаться, ушли все силы.

– Кто? – выкрикнули впереди. – А ну стой!

– Поктокай у меня. Глаза протри, – донесся голос бородатого «языка».

Главарь вернулся с совещания. Одновременно мы увидели, что отряд Грозны Святой затушил костры, снялся с места и ушел в обход башни слева. Сивко Предгорный и Таскай Прибрежный увели своих дальше вправо. С утра башня окажется в окружении.

«Язык» Напрасно кратко поведал собратьям результат военного совета:

– Переть в лоб – это терять людей. Деметрия настояла ждать. Перекроем все дороги и тропы, запалим в сторонке что-нибудь ненужное – чтобы выглядело деревенькой или складскими запасами, но так, чтобы крестьяне против нас не поднялись. Из башни обязательно поедут на помощь, это их обязанность, тогда одни наши возьмут выехавших, остальные окружат башню и предъявят ультиматум. Если получится, то ворвемся с наскока. Или надавим на чувства оставшихся.

Разбойников план порадовал.

Все улеглись спать. Костры большей частью угасли, зажглись звезды. Тома ворочалась, вздыхала, кричала. Чувствовалось, что она долго колебалась, но пересилила себя:

– Чапа... ты веришь, что случись подобное с тобой, я сделала бы все и даже больше?

– Ты уже сделала, сохранив мою жизнь в школе. Как соучастницу, тебя ждал финал Глафиры.

– То не в счет, общая опасность давала силы и заставляла принимать правильные решения.

Я покачал головой:

– Мы не в детском саду, скажи прямо, что нужно.

Сказать, что Тома покраснела – ничего не сказать. И это несмотря на тьму – почти полную, кроме мрачных отсветов костров в каждом из лагерей. Новолуние.

– Или руки помыть надо было, – трудно выпихнули ее губы, – особенно после дурацкой мази. Или переела с радости...

– Снова живот прихватило?

– Ага.

– Какие проблемы. Давай, отнесу.

– К ним я больше обращаться не хочу.

Еще бы.

– Куда идти? – спросил я, принимая Тому на руки.

– За те деревья между лагерями.

На моей шее сомкнулся мягкий живой обруч.

– Вы куда? – возник рядом рыцарь, сменивший Епанчу. – А-а, почву удобрить. Только недолго. Я отсюда прослежу.

За деревцем мои руки как в прошлый раз начали разворачивать Тому к себе спиной.

– Стоп. – Ее губы сжались до крови, глаза зажмурились от невыносимого стыда. – Ближе к кусту. Чтобы листики достать. И... – Она набрала побольше воздуха. – К себе лицом. Потом мне понадобится свобода рук.

– Тогда... – Теперь я залился пунцом. – Штаны придется снять полностью.

Ноги-то будут меня обхватывать.

– Несомненно.

– Сможешь снять сама, на весу?

– Нет.

Я открыл рот, чтобы сказать, что...

Ничего не надо говорить. Теперь надо делать. Мужик я или как?

Рот закрылся. Легкие провентилировались глубоким вздохом, руки приступили к делу. «Глаза боятся, руки делают» – эта поговорка появилась не просто так. Окончательно подготовив пылающую щеками Тому к процессу, я присел на широко расставленных ногах, а она, обняв меня за лопатки, повела плечами, сбрасывая мой поддерживающий захват:

– Удержись сама. Закрой глаза, уши и нос.

Как это сделать, если рук всего две, она не сказала, ее лицо конфузливо зарылось в мое плечо. Я задрал подбородок к небу.

Потом мы лежали, глядя в небеса параллельными прямыми вплоть до соседних галактик. Нас больше ничего не могло смутить. И не было теперь человека ближе. Что там вякнул Сент-Экзюпери? В ответе за тех, кого приручили? Мелко плаваете, месье.

Если б мы только могли представить, что наше заботливо-ответственное единение уже завтра поможет спастись от столь страшной смерти, что даже кладбище нервно курит в сторонке...

Мы не умели смотреть в будущее. Нам хорошо в настоящем. Так и заснули, держась за руки и оставаясь душами где-то высоко, за небесами, где живут вечно и все счастливы...

А вы бы не проснулись, если в рот суют кляп? Мое тело пыталось сопротивляться еще до того, как включился мозг. Поздно. Несколько крепких рук одновременно связывали, а удар по затылку не позволил даже замычать.

Глава 3

Сознание возвращалось медленно. Очень качало. В открывшихся глазах творилось нечто запредельное: втыкались в голубой пол верхушки деревьев, потом взлетали и снова падали. Поняв, что голова безвольно болтается, я напряг шею. Лицо попыталось подняться. Получилось. Но не в ту сторону, как я рассчитывал. Деревья принялись раскачиваться в горизонтальной плоскости.

Оглядевшись, я прозрел окончательно. Не мир неправильный, это голова свисает вниз. Перекинув через плечо и придерживая за ноги, меня нес один из рыкцарей Напраса. Украл у своих, крыса. По криминальным законам такого нужно... Стоп. Какие законы могут быть у тех, кто не признает законов? У них выживает сильнейший либо хитрейший. Вокруг такого, самого безжалостного и беспринципного, собираются любители легкой наживы и территорий, если он действительно самый. Так появились все первые короли в мире. В царстве равных один беспредельщик всегда установит свои правила и заставит всех ему спинку чесать. Не говоря об остальном.

Знал ли историю мой похититель – не имею представления. Наверное, так далеко во времени назад и вперед он не думал, среди своих уже почти самый, а к схватке с другими самыми-самыми еще только готовившийся.

Тома безвольно бултыхалась на плече второго похитителя. Третий нес наше оружие, прихваченное для комплекта. Все трое выглядели как прочие рыкцари, разве что бороды погуще, мышцы покрепче, да взгляды пожестче. Суровая троица. Три сапога пара.

Носильщик вещей первым заметил мои открытые глаза.

– Гля, Борзой, очухались. Как я и говорил, секунда в секунду. Опыт на медовуху не сменяешь.

– Хорошо ты им приложил, Коптюк, – похвалил несший меня. – Научишь?

– А то. Гляди.

Ухмыльнувшись, Коптюк направил сапоги к Томе, которую несли чуть впереди. Жареные сосиски пальцев – в шрамах и обожженные – перехватили свисавшие волосы и вздернули вверх, показывая голову Борзому.

– Вот сюда... куда-то. Как-то. – Его грязная борода затряслась от противного гогота. – Предлагаю обмен. Мой секрет на твоё первенство.

Не прерывая размеренного шага, Борзой показал ему кулак. Коптюк не обиделся.

– Тогда сам приходи, что, куда и как.

– Кто не знает – обращайтесь, – донеслось лошадиное ржание того, который нес Тому. – Расскажу и даже покажу совершенно безвозмездно.

– Безвозмездно – уже совершенно, – подал я голос, намереваясь влиться в разговор и что-нибудь выпытать. – Не бывает несовершенно безвоз...

– Гля, добыча заговорила.

В голове будто бы взорвалась бомба.

Когда я вновь пришел в себя, ничего не изменилось. Только ландшафт. Деревья стали мельче и кучнее, мы продирались сквозь них с трудом. Горы стремительно приближались. Похитители иногда сменялись, перекидывая нас друг другу, как кукол. Сейчас я лежал на плече третьего. Тому нес Коптюк, специалист по отключке.

– Думаешь, не догонят? – интересовался мой несун. – Они без ноши. Как только хватятся...

– Следы мы замели, – равнодушно бросил Борзой. – Пусть поплутают. Я местный, они нет.

Показавшийся ранее знакомым грубый голос, наконец, определился, это он втолковывал некоему Невдане, как бить волков. Серьезный дядя.

– Их много...

– Уймись, Духаня, – нервно бросил Борзой. – Куда веду, туда не сунутся.

– А если...

– А если сунутся, то в последнюю очередь.

– Ты, вообще, уверен, что делаешь? – с сомнением проговорил мой третий, названный Духаней. – Человолки...

Коптюк снова поймал мой взгляд.

– Опа, царевна проснулась. Рановато, душенька, можешь увидеть и услышать лишнего.

Последнее, что я увидел – занесенную гирию, вновь умело притворившуюся кулаком.

Тьма сменилась ноющей болью в затылке.

Знакомое мерное раскачивание. Шум в голове. Голоса. Не в голове. Придя в себя, я мудро решил глаз не открывать.

– Это моя земля, и не какой-то девке здесь командовать, – грозно выдавал Борзой, на чьем плече я теперь болтался. – Она никто. Скоро все поймут.

– Как же никто? – возразил Духаня.

– Очень даже кто, – согласился с ним Коптюк.

– Дурни вы оба. Она идейная. – Борзой подбросил меня на плече для лучшего хвата. – Не за добычу и не за жизнь сражается. За власть.

– Ну, дык, – тоже согласился Коптюк. – За власть. Чтобы иметь все.

– Чтоб иметь всех! – рыкнул Борзой. – Наши интересы ей как коню вошь. Наши жизни тем более. Перешагнет, не заметит.

– Но она говорит... – начал Духаня.

– Все говорят! – зло перебил Борзой. – У всех языки есть, а Напрас даже без него болтлив. Вспомни Ракиту. Как говорил! А хвост ему царберы прищемили – сдал всех до последнего.

– То Ракита, – все еще не соглашался Духаня. – Деметрия дочка верхо...

– Ты тоже чей-то сын, – отбрил Борзой. – Живи так, чтоб твоя славная родословная началась с тебя.

Мир снова перевернулся – меня бросили на землю. Видимо, не только меня. Тома вскрикнула, я чуточку приотворил ресницы. Прямо на нас глядели горы. Мы подошли к подножию огромной каменной махины, пустой и безжизненной. Высоко взметнувшуюся верхушку заволочло туманом.

С тревогой оглядевшись, Борзой раскидал старые коряги.

Пещера. Внутри оказалось просторно. Коптюк заделал за собой вход, Духаня зажег факел. Борзой пнул нас с Томой:

– Шагайте вперед!

– Не могу, – выдавила Тома.

Она едва сдерживалась от стонов, грызла губы и сдавливала пальцы связанных рук.

– Она ж еще пару дней неходячая, – напомнил Коптюк. – Давай, красавица, донесу.

Облапив Тому, он шагнул с ней вглубь, прижимая к груди. А меня снова пнули.

Пещера оказалась огромной и нескончаемой. Зал, в котором мы остановились, мог соперничать с подземельем скрытой крепости. Вверх и в стороны вело множество ходов и дыр, больших и маленьких. Кострищем в центре, с ранее заготовленными дровами, сразу воспользовались. Огонь запылал, в его рваном свете открылось остальное. Кроме запасных дров, я увидел несколько драных циновок, деревянное ведро с водой и пустой котел. Дым от костра сжимался в узкую струйку, утекая в одну из дыр сверху. Прекрасное убежище.

Раскидав несколько глыб, Борзой выудил из выемки спрятанный мешок с крупой. Отсыпав, сколько надо, Духаня занялся приготовлением еды. Борзой с удовольствием растянулся на циновке. Коптюк, бросив Тому под стенку, подошел ко мне, оставшемуся стоять там, где поставили.

– Давай избавимся от лишнего, красотуля, – гаденько произнес он, снимая с меня оставшиеся доспехи. – Порадуй дяденек, которые рискнули всем ради тебя.

Отстегнутые поножи и наручи полетели на пол, мне развязали руки и заставили снять сапоги. Борзой, лежа в сторонке, демонстративно поигрывал ножом, чтобы я не наделал глупостей. Покопавшись с подмышечным ремнем, Коптюк через голову содрал с меня тяжелый нательный доспех, за ним отправилась рубаха. Рыкцарь уныло скривился.

– Малявка.

Это не остановило его от следующего шага.

– Борзой, не поверишь, – замер он, разделавшись с моими штанами. – Пацан!

– Как?! А второй?

С Тома тоже грубо сорвали одежду.

– Ладно, хоть одна девка. Выкуп, конечно, резко уменьшается... если не узнать, почему пацана нарядили бабой. Неспроста же?

Три пары глаз вперились в меня:

– Рассказывай.

Почему нет? Малика же приняли? Эти на фанатиков не похожи, за все время – ни единой аллехвалы.

Хотя... у преступников вера в Бога как-то уживается с криминальными наклонностями. Убив, ставят свечку или церковь. Молят о фарте. Колют купола.

Все же рискну.

– Не хотел умирать, – объяснил я. – Никто не удосужился проверить.

– Это же черт! – расхохотался Борзой.

– Если я встречу падшего, я убью его, – процитировал Коптюк. – Исполним закон?

Блеснул обнаженный меч. Страшно так блеснул, кровавыми отсветами живого пламени.

– Нашелся мне законопослушник, – успокоил Борзой приятеля. – В башне не знают, что он черт. Даже удочерили. Значит, можно требовать как за дочку. Вяжи его снова, от пацанов всегда неприятности.

Не дав одеться и даже прикрыться, Коптюк связал мне руки в запястьях и опрокинул на пол.

– Лежи, не рыпайся.

Легко подняв Тому, Борзой перебросил ее себе через плечо. Одна лапища придавила сверху, вторая подхватила протянутый Духаней факел.

– Не скучайте тут без меня.

Один из боковых ходов скрыл его силуэт, а моего дернувшегo тела коснулся меч Коптюка:

– Память короткая? Забыл, что велели?

Духаня следил за вскипающим котлом, Коптюк – за мной, а я – за ходом, куда Борзой унес Тому. Хотелось насадиться на вжаты в горло клинок. Останавливало, что тогда уж точно ничем не помогу – ни сейчас, ни позже, никогда. Умереть было не жалко, жалко было умереть без пользы.

Примерно через минуту Борзой появился один и пнул сапогом выступавшую булыгу:

– Вся в крови и какой-то слизи.

Глаза Коптюка вспыхнули непонятым огнем.

Борзой брезгливо передернул плечами:

– Снаружи! Противно до черта.

– Больная? – всполошился Духаня. – Заразная?

Занимаясь готовкой, он отложил мешавший ему меч в сторону, а затем, перехватив мой взгляд, отодвинул оружие ногой дальше за себя.

– Шут ее знает, – отмахнулся Борзой, присаживаясь к костру. – Воздержусь от греха подальше.

– А я посмотрю, что там и как, – сообщил Коптюк, сдавая Борзому вахту надо мной.

– С тебя – секрет отключки! – полетело вслед от Борзого.

– Дорога ложка к обеду. Раньше надо было думать.

Коптюк ушел.

Сделав взгляд максимально трусливым, я чуть ли не с ужасом уставился на меч, который опустил в мою сторону Борзой. Сработало. Плашмя ударив клинком по щеке, Борзой сказал:

– Правильно, малыш. Принимай жизнь такой, какая есть. Дают – бери, бьют – беги...

Он обернулся на пустой проем: там ругнулся Коптюк и вскрикнула Тома.

Толчок ногами – и мое тело полетело в костер. Точнее, в подпорку котла с моей стороны. Одежды на мне не было, пламя больно обожгло, но раскаленная подпорка, обжегшая еще сильнее, рухнула. Котел завалился на бок.

Фффф! – обратилась вода в пар, а то, что не вода – в дым, а огонь – в вонючую тьму. Костер погас мгновенно. Я прокатился в дымной завесе к мечу Духани и вместе с ним шархнул в сторону, когда владелец почти дотянулся до рукояти. На все ушла секунда. Кожа вспухала ожогами, но мне было не до того.

– Бей поганца! – заорал Борзой.

– Тварь! – завопил вдали Коптюк.

Даже сюда донесся звук удара. Затаившись за каменным выступом, я резал веревку на руках. Тома рыдала. Духаня истошно тер глаза. Находившемуся ближе всех к издохшему огню, ему и досталось больше всех. Бывший костер шипел, пузырился и исходил едким дымом. Чем выше, тем хуже дышалось и почти совсем не виделось.

Борзой вытянул оружие в сторону, где должен был находиться я.

– Глупый мальчик, – сказал он, выравнивая дыхание. Его глаза постепенно привыкали к новой ситуации. – Зачем? Уйти не смог бы, помочь подружке тоже. Теперь придется тебя наказать.

Мои руки, наконец, освободились. У меня не было плана. Была праща ноге, на которую не обратили внимания, но размотать я не успевал, поэтому просто собрался броситься на врага, прорываясь к Томе...

Раздался вой. Лай. Рык. Сразу с нескольких сторон.

Впервые я увидел ужас на лицах рыкцарей.

Глава 4

Лай и рев приближались. Не то слово. Неслись к нам, как реактивные.

– Где? – Из интересовавшего меня хода выскочил ошалелый Коптюк. – Здесь?!

– Везде! – Покрутив головой, Борзой бросился к выходу.

– Волки? Или... человолки?! – побелел Духаня, пристраиваясь за главарем.

Лихая троица занялась паническим разбиранием лаза, и я смог беспрепятственно пробежать к Томе.

Она лежала животом поверх большого валуна и плакала. Закрепленный на стене факел тлел и едва давал свет.

– Он... – Я не смог договорить.

Томашла силы отрицательно мотнуть головой.

– Нет.

Как и говорил Борзой, ее кожу покрывали сочившиеся волдыри. Содранные мозоли – везде, где тело касалось седла. Остатки мази тоже не добавляли аппетитности.

– Он меня ударил. Я его укусила.

Наш коридор оказался тупиком с единственным выходом. Из оставленного пещерного зала донеслись шум борьбы, крики, лай. Странный лай. Не похожий на прежние.

Мы наблюдали за боем ушами. Кого-то из напавших, пришедших каменными ходами, разбойничья троица зарубила, остальные расправились с рыкцарями, поскольку ход наверх так и не открылся – это было видно по пламени факела, которое никак не качнулось. И по звукам. По последовавшим за многоголосым победным рыком ужасающим звукам. Из зала неслись жадный клекот и чавканье. Горловое рычание. Звук рвущегося мяса. Снова чавканье. За это время я осторожно снял Тому с камня и спрятал за ним. Начав разматывать пращу, я остановился: нет смысла. Здесь голый каменный пол, и для добычи подходящего снаряда придется ломать мечом каменную породу. Скорее сломается меч. Поэтому я тоже присел за валуном, выставив оружие вперед.

Они пришли – сытые, медленные, с окровавленными мордами. Не волки тире собаки. Нечто другое. Большое, невообразимое. Никогда мной не виданное. Жуткого вида голые обезьяны, передвигавшиеся на четырех конечностях. Вымазанные в грязи, слюне и крови, страшные, состоявшие из одних мышц. Свалывшиеся косматые патлы развевались как львиные гривы. Белки глаз и острые зубы сверкали, алые глотки выдавали новые рычащие вопли.

Штук десять. И это только на виду. На них – с одним мечом? Смешно.

Но я сделаю это.

Вспомнился Малик, бросившийся на стаю волков и отогнавший ее. Я сунул меч в руки опешившей Томы, опустил на четвереньки и, глядя в глаза врагу, принялся в деталях представлять, что сделаю хотя бы с одной обезьяной, пока остальные будут убивать меня. Как воткну пальцы в глаза. Откушу щеку. Вырву ноздри. Как загоню в глотку кулак вместе с обломками зубов и буду ломать лбом переносицу до хлюпающего хруста...

Обезьянья стая остановилась. Передняя парочка попятилась. Остальные удивленно переглянулись.

Какое слово употребили рыкцари? Человолки? Именно. Передвигающиеся на четырех конечностях люди, похожие на древних, пещерных. Именно люди, не обезьяны. Ноги длинные, руки обычные, никакой диспропорции. Мужские лица обросли косматыми бородами, жмущиеся во втором ряду женские – чистые. Мужчины как мужчины, женщины как женщины. Обычные люди, только волки. По повадкам. Если их поднять на ноги, помыть-побрить и приодеть...

Вожак, стоявший первым, злобно зарычал. Этакая гора мускулов, рельефом и ростом напоминавшая нашего могучего пилота, но с заросшей головой, грязная и вонючая. Из-под

утесов надбровных дуг темнели пещерки глаз. Тело, бугрившееся лютой мощью, – в волосах и шрамах. Черная поросья покрывала его до пят, особо кустясь на пластинах груди, меж кубиков живота и безобразно обретая собственную жизнь под животом. Вожак стоял передо мной на четвереньках, не зная, что предпринять: его новый противник был голым, как и он, не рубил железкой, не убегал. Стоя в такой же позе, готовый к последнему прыжку, я заграждал собой Тому. В моем направленном в глаза вожаку взгляде плескалось жертвенное остервенение волчицы, которая защищает щенков. В горле родился и выполз наружу ответный рык: долгий, протяжный, смертельный.

Вожак вдруг привстал и отрывисто гавкнул. Несколько челоуолков по-волчьи двинулись в мою сторону, но без угрозы. Скорее, с удивленным любопытством. Обнюхали, рассмотрели. Когда попробовали сунуться к Томе, я рыкнул громче, и они отстали, вернувшись к вожаку. Тогда тот соизволил подойти сам.

История повторилась. Пока человекоподобный нечеловек занимался мной, я молчал. Когда он полез к лежащей Томе, в трансе сжимавшей меч (но вряд ли готовой его использовать), я рыкнул. В ответ раздался рык-рев, едва не порвавший барабанные перепонки. Мне пришлось временно заткнуться. Это восприняли благосклонно. Закончив с обнюхиванием нас обоих, вожак лениво двинулся назад. Остальные тоже развернулись, но удивленно посмотрели на нас: чего же вы, мол? Вас признали! Идите с нами!

Вот счастье-то привалило.

– Чего они хотят? – шепнула Тома.

Сразу несколько взглядов налились мгновенной агрессией. Я приложил палец к губам. Тома кивнула. Ее руки, опустившие меч на землю, продемонстрировали пустоту, а лицо – судорожно-добрую улыбку.

Агрессия исчезла. Молодой челоуолк с двумя челоуолчицами с удивительной грацией приблизились на четырех конечностях и тоже попытались обнюхать нас снизу доверху. Особенно их заинтересовали болячки Тома. Я отогнал свирепым рыком. Они ответно твякнули, что, дескать, не очень-то и хотелось, и стали мордами (лицами их рожи назвать трудно) оттеснять нас в сторону выхода. Этакое приглашение.

Я присел перед Томой на колени и взвалил на спину.

– Держись, – едва слышно вышептал в подставленное ушко.

Человеческую речь здесь не любят. Человек – враг и пища. Челоуолк челоуолку друг. Будем соответствовать.

Томины руки через мои подмышки сомкнулись в замок под грудью. Я высоко поднял зад, хорошо навьюченный вторым телом, и на карачках двинулся вперед.

Никогда не думал, что в пятнадцать лет придется учиться ходить. И бегать. Сначала хотя бы ходить быстро, поскольку остальная стая успевала темными проходами унести вперед, а затем частично вернуться, чтобы проконтролировать нас. Как потом вернуться за вещами, я уже не представлял. Ходы расширялись до огромных залов и сужались, они вели вверх, вниз и в стороны, разветвлялись, сходились, причудливо переплетались. Тома молча лежала на мне, понимая, что лишнее слово или движение погубят обоих. О таком чувстве, как стыд, мы просто забыли. С волками жить, по-волчьи выть, как уже не раз говорилось. Мы тоже стали волками. Уу-у-у!..

– Ррр! – указывали нам новые сородичи новое направление.

– Рр, – отвечал я и послушно менял курс.

Самым трудным оказалось вылезти во внезапно открывшийся лаз вверх – во второй выход из пещерного лабиринта, о котором рыцари, возможно, даже не подозревали. Я справился. Испуганно вжавшаяся в меня Тома не свалилась, хотя могла. Мы поскакали дальше по горе, забираясь все выше.

Человолки передвигались по-обезьяньи, перебирающими прыжками. Несоответствующие длины рук и ног заставляли смешно выпячивать зады вверх, а колени в стороны, но смешно получалось только у новичков типа вашего покорного слуги, остальные скакали вполне гармонично. Если бы мама учила меня такому передвижению с пеленок, я дал бы фору многим местным. Но меня обучали другому.

Несколько человолков несли большие куски мяса, печени и прочих потрохов, вызывавшие у меня рвотные позывы. Недавно это мясо собиралось расправиться со мной. Человолки держали груз в одной руке, прижимая к груди, передвигаясь на оставшихся трех... ногах? Скорее, лапах.

Поднявшись на ближайшую горизонтальную площадку на склоне горы, у подножия которой находилась злополучная пещера, стая, наконец, остановилась. Отсюда открывались шикарные виды – можно было полюбоваться, если бы остались силы. Я только убедился, что внизу – лес, а в лесу нет ничего, что выдало бы присутствие людей.

Здесь, наверху, оказался еще один вход в гору. Тоже пещера. Видимо, здесь стая живет. Добычу сложили внутри у большого камня. Все отошли. Рядом с пищей расположился довольно рыкнувший вожак, остальные разлеглись поодаль.

Я осторожно опустил Тому в свободном углу и рухнул, как подкошенный.

«Спасибо», – вылепили ее губы. Она попробовала пошевелить ногами, лицо перекошилось от боли, грудь сжалась от удержанного внутри вскрика. Рано.

Я придвинулся, моя рука успокаивающе сжала руку Томи. Она с трудом улыбнулась.

Мазь осталась в нижней пещере, вместе с одеждой и оружием. И с человеческой едой.

И человеческими трупами, ставшими едой.

Дождавшись полной темноты, какая-то человолчица принялась меня облизывать. Я отогнал ее, пнув ногой. Больше она не приставала. Вожак на нас внимания пока не обращал. Остальные тоже. Тоже пока.

Часть вторая

Стая

Глава 1

О дальнейшем рассказывать трудно. Мы выживали. Попутно изучали жизнь людей-волков изнутри.

Стая насчитывала десятки особей, в ней соблюдалась четкая иерархия. Лучшее место занимали вожак и его самка (вспомнилось, что так же у волков – настоящих, не местных). Самый сильный самец держал в узде самцов, сильнейшая самка – самок. Назвать их мужчинами и женщинами можно с огромной натяжкой. Обычные на вид люди, которые превратились в зверей. Огня не знали, никаких орудий, начиная с камней и палок, не признавали. Передвигалось сообщество исключительно на четвереньках. Питались человолки добытыми в округе волками-собаками, пили их кровь, ели печень, сердца, сырое мясо. Тухлое сбрасывалось со скалы – скармливалось тем же волкам, так сказать, на откорм. Прочий рацион составляли корнеплоды, множество трав, некоторые листья, насекомые, черви и личинки. Мы с Томой сначала плевались, но с голода стали есть почти все, кроме сырого мяса. Как его усваивали луже-ные внутренности человолков, не знаю. Дело привычки? Или естественный отбор, работавший многие поколения? Едят же сырое мясо на северах и еще где-то.

Мы с Томой внимательно смотрели вокруг и учились. Временно недвижимая Тома – теории, я – практике. Учиться пришлось всему: правильно лежать, сидеть, ходить, бегать, прыгать. Как детям, все приходилось открывать заново. Мы занимали в местной иерархии нижнее положение. Это значит – постоянные тычки, толчки, укусы, рык по поводу и без. В стае у каждого было свое место, отвоеванное у других. Чем ближе к вожаку, тем почетнее. Мы оказались с краю.

Сначала показалось, что люди-волки вообще не моются. Они вылизывались. Где-то сами, где-то друг дружку – до чистоты, до блеска. Поскольку никаких емкостей с водой в пещере не было, а наружу нас не выпускали, томил страх, что однажды придется делать так же. Даже думать о таком мерзко.

Вода быстро отыскалась. В наблюдении за новыми «сородичами», меня посетила мысль тоже пролезть по одному из ходов вглубь горы. Я рискнул. Меня никто не остановил. Ободренный, я продрался сквозь острые выступы. В расщелине обнаружился ручей, текущий сквозь камни, там пили и мылись.

Когда прозрачная ледяная вода оказалась в ладонях... Вот оно, счастье. Я хлебал, как каторжный, и не мог остановиться. Затем с непередаваемым чувством мылся, расчесывая кожу до кровавых полос. Затем задумался, как протащить Тому сюда.

Обратно я полз осторожно. Тома по-прежнему лежала на животе, иногда чуточку поворачиваясь то в одну, то в другую сторону: тело требовало хоть какого-то разнообразия.

Объяснить я ничего не мог, просто бесцеремонно повернул Тому на бок, подняв ее лицо к моему правой ладонью, и губы впились в губы.

Ее глаза выпучились. Лицо залилось краской. Непередаваемое изумление боролось с возмутительной нелогичностью происходящего. Тело дернулось в механической попытке отстраниться. Мои руки держали крепко.

Тома почувствовала вкус воды. Да, у воды есть вкус. Еще какой. Тома бережно приняла, выпитав и выпив все, что я принес во рту. Больше не в чем. Она поняла. Ее лицо осветилось

улыбкой, одновременно конфузливой и благодарной. Я накрыл ее готовые распахнуться губы ладонью:

– Тсс!

Мы оба все понимали. Никто нам не поможет кроме нас самих. Только вместе выживем или погибнем. И плевать на условности.

Я сходил за второй порцией. А утром в узкий обдирающий лаз тащил за собой Тому, которая упорно ползла, несмотря на дикие боли.

Вода оказала животворящее действие. Тома пошла на поправку ускоренными темпами. За пару дней она научилась самостоятельно выкарабкиваться из пещеры по надобности, затем стала ходить, как здесь принято, опираясь на ступни и ладони. Забавно задрав крепкий задик, перебирала руками-ногами, расхаживая по пещере.

– Как же трудно! – находил меня ее шепот, когда никто не слышал. – Все время хочется встать и пойти нормально.

– Я тебе встану! Рррр! – вместе со словами раздавался мой наставительный рык.

Если кто-то был неподалеку, я мог даже кунуть легонько, чтоб окончательно сойти за своего.

– Хотя бы на колени опуститься, все легче, – продолжала нить Тома. – Почему они не ходят на коленках?

Представив человолка со сбитыми в кровь коленями, как у меня в детстве, я улыбался. Стоило проявиться чужому вниманию к нам, улыбка превращалась в оскал.

Намучавшись, Тома подсаживалась ко мне.

– Ну, не повезло мне родиться обезьяной, – падало не требующее ответа.

– Век живи – век учись, – закрывал я вопрос.

Приятно чувствовать себя мужчиной в обществе, где ум и сила мужчин обрели достойное применение. Вообще, здорово ощущать себя мужчиной – самым главным и самым важным в отношениях. Здесь было так. Мне нравилось.

Или просто надоело быть девочкой?

Меня стали брать на охоту и на поиски другой пищи. Несколько самцов приглядывали, учили правильно рыть, добывая корнеплоды и червей, отличать съедобное от несъедобного, хотя поначалу несъедобным я считал все. Выяснилось, что медуница (известный мне цветок, розовый, когда молодой, и синий, когда давно распустился) – прекрасный заменитель салата, пятнистые листья медуницы шли на ура. Кислый дикий щавель тоже стал привычным и вкусным. А улитки, ползающие по листьям – просто деликатесом. Насколько я знал, в них полным-полно белка. И каких-то микробов, как когда-то слышал, но в нашей битве за жизнь микробы, видимо, погибали первыми. Не знаю, что перевешивало – везение, возможности организма или воля к жизни.

В засадах и погоне толку от меня было мало, но я тоже учился. После нескольких боев с волками по-другому вспоминалась встреча с ними на причале. С новыми знаниями у нас мог быть шанс.

За остававшейся в пещере Томой присматривали самки, сидевшие с детьми и только ждавшие их.

Слов человолки не знали, только радостный лай, грозный рык и вой страдания. Остальные чувства и понятия выражались их вариациями и смесями.

– Рррр! – опрокидывал меня грузным телом самец, которого мы с Томой прозвали Гиббоном.

Приходилось лежать на спине, подпрыгивая ножками, и делать вид, что подавлен, что все понял и покоряюсь. Все понял – по поводу вечного выяснения, кто сильнее. Гиббон имел габариты шкафа, волосатость дикобраза и вонючесть скунса. Каждый раз, когда его ставил на место вожак, Гиббон шел отыгрываться на менее значимых особях.

Или вот такой «разговор»:

– Гав! – радостно говорила мне молодая низкоранговая самочка, оттесняя от основной стаи.

У нее не было пары. Худая и жилистая, ростом с Тому, возрастом постарше. На вытянутом лице блуждало беспокойное подобие улыбки. Волосы напоминали мои: русые, непослушные и столь же нестерпимо грязные. Хлипкие плечи передних конечностей переходили в узкую грудную клетку. Тельце топорщилось мягким вниз, а жесткими лопатками вверх. Как штурмовик на боевом вылете: сверху крылышки, снизу бомбочки. Впалый животик неожиданно проступал отчетливой решеткой пресса. Поскольку хвоста не было, самочка задорно помахивала передо мной тощей кормой так, будто он подразумевался. Пару раз умудрялась лизнуть в щеку или куда достанет. Я отбрыкивался, строил страшные гримасы, рычал, но, видно, не очень правдоподобно. Попытки подружиться не прекращались.

– Опять Пиявка приставала? – неведомым способом узнавала Тома о том, чего видеть никак не могла.

Я изображал надменное равнодушие. Типа, не ваше волчье дело, сударыня человолчица Тома.

У нее тоже завелся поклонник. Он не подходил, глядел издали истосковавшимся голодным взглядом, нарезал круги, как бы демонстрируя себя, но не навязываясь. У нас он стал Зыриком, Вуайеристом, Глазодером, Смотрюном... Каждый день приносил новые варианты.

– Как там наш Смотрик? – интересовался я после любой отлучки. – Руку и еще что-нибудь предложил?

– Все смотрит, – горестно вздыхала Тома, а глаза посмеивались. – Смотрит, смотрит, смотрит... Скоро глаза протрет. Или у меня чего-нибудь.

Мои брови взлетали на лоб.

– Взглядом, – шаловливо уточняла Тома.

– Любуется, – облегченно выдохнув, объяснял я.

– Было бы чем, – сердито фыркала Тома. – Тут вон сколько всяких вот с такими и с вот тут о-го-го.

С этим не поспоришь, что есть, то есть.

– Зато ты всех нежнее, всех румяней и умнее.

Комплименты нравятся всем. Пряча удовольствие, Тома посетовала расхожей банальностью:

– К сожалению, на ум мужика не поймашь.

– Может, ты уже поймала, просто он читит закон. Ждет, когда в определенном возрасте твое качество перейдет в количество, тогда возьмет оптом.

– Я столько не проживу! До совершеннолетия мне еще больше двух лет!

– Здесь выходят замуж раньше.

– Хочешь выдать меня прямо здесь? За нелюдя?

– Ну и что, что нелюдь, лишь бы человек был хороший. Как сказал Дарвин одной прелестной особе: вы, конечно, тоже происходите от обезьяны, но не от обычной обезьяны, а от обезьяны очаровательной.

Вдоволь попикироваться удавалось нечасто. Даже перекинуться несколькими фразами. После первого же шепота где-нибудь раздавался настороженный или агрессивный рык, мы затыкались.

В походы я уходил с камнем на сердце, оставляя Тому одну. Впрочем, не одну, а в обществе других сильно покалеченных, а также беременных и кормящих. В такой компании Тома смогла бы постоять за себя сама, даже в своем тяжелом положении.

Походы стаи делились на короткие, средние и длинные. Выходя, никто не знал, куда сегодня заведет вожак. Самые простые выходы – за кореньями и съедобными травами на склон

горы. Мы как бы «паслись», наедаюсь на месте и многое принося в пещеру. Трава с тройчатыми листьями, под названием сныть, которую на бабушкиной даче я косил как сорняк, оказалась съедобной и прекрасно заменяла зелень, ради засевки которой когда-то пололась. Темно-зеленые заросли съедались на месте и собирались впрок для засушки. Не только листья, даже черешки и стебли сныти были хороши, если снять кожицу. А еще лебеда – треугольные листья с мучнистым налетом. Да, невкусная, горькая, противная, немного вонючая. Сначала. Просто вы еще никогда не были по-настоящему голодны.

Средние выходы длились весь день, до ночи. Иногда до утра – в определенные места с плодовыми деревьями или кустами типа малинника. Или на поля крестьян, отважившихся выращивать что-то вблизи опасного соседства. Возможно, взятое человолками становилось неким налогом, составной частью негласного договора: крестьяне не звали цариссу с отрядом, человолки не убивали крестьян. Люди и нелюди даже не видели друг друга, соперники за еду умудрялись расходиться в пространстве-времени, не допуская стычек.

Интересно, успели бы конные войники цариссы перекрыть стае отход? Вряд ли. Даже если окажутся неподалеку. Налет готовился долго, с разведкой местности и выставленными по сторонам дозорными, а совершался быстро, дерзко, с мгновенным отступлением при полной руке добычи у каждого. Путь туда-обратно проходил разными дорогами, причем по такому бездорожью, что не только конный, а даже пеший переломает ноги. Стая же легко передвигалась по любой пересеченной местности. Где ходом, где прыжками, где по ветвям деревьев.

Длинные походы затягивались на несколько суток. Вожак знал места, где можно пожить чем-то особенным, ради этого стая делала многодневные переходы.

Самым сложным и кровавым делом, естественно, оказалась охота на волков. Бывали жертвы со стороны стаи. Но редко. Волки боялись человолков. Учувяв, обходили. Ловили волков только в грамотно выстроенную засаду.

Вернувшись в пещеру, добычу складывали к ложу вожака, я шел в свой угол, наблюдая оттуда церемониал приема пищи.

К еде вожак приступал единолично. Ел медленно, смакуя и чавкая, стая роняла слюнки на почтительном расстоянии. Любого недовольного ждал взгляд, не суливший ничего хорошего. Потом ели приближенные, самцы и самки второго и последующего рангов, в конце что-то перепадало нам, низшим. Меня даже радовало: мясо съедалось раньше.

В основном стая делилась на пары. В старших рангах. Чем ближе к периферии, тем больше вырисовывалось всякого безобразия. Видимо, создание нормальной пары следовало заслужить.

Тому начали принуждать к выходам за добычей со всей стаей – лишние рты не приветствовались. Настало время ее первого «боевого похода». Стая легко скакала вниз по склонам, мы очень старались не отставать. Отставание каралось рыком с последующими оплеухами.

– Если зад высоко, – прошептала Тома, трудно, но удивительно весело передвигаясь рядом, – вижу только то, что под носом. Лица не поднять, шея, как у свиньи, в обратную сторону не гнется. Я же не йог. Куда двигаюсь – непонятно, того и гляди, врежусь во что-то или со скалы сверзюсь.

– Припусти и разведи коленки, – советовал я, как бывалый четверенькоходец. – Смотри на других и учись.

– Так шаги мельче и сил уходит больше, – не соглашалась Тома.

– Тогда иди как мартышки в зоопарке – чуть боком, руки по одной колее, ноги по другой.

– Легче! – удивилась Тома, попробовав. – Так коты ходят, когда боятся. Чтоб в любую секунду назад сигануть.

Кто-то приблизился, чтобы в очередной раз подогнать, и мы умолкли.

На горном склоне сильно дуло, зелени здесь росло мало, в основном хилая или колючая. Для питания нашей оравы не хватало. Большую часть склонов составляли сплошные камни.

Правда, любая выемка между ними становилась оазисом, дарившим вкусности, но сейчас мы проносились по ним, не замечая. Целью было что-то более значимое.

С волками не встретились, уже хорошо. Через некоторое время перекусили подножной травой, восторгов это не вызвало, но голод мало-мальски утолило. Затем мы набрали немного кореньев и тут же съели их под чутким контролирующим взглядом вожака. Стая без отдыха двинулась дальше.

– Ты очень скучаешь по дому? – нежданно прилетело от Тома при первой возможности.

Лучше б не напоминала. Сердце учащенно забилося, а одна из рук, которые сейчас ноги, едва не подвернулась.

Мама с папой. Младший брат. Бабушка с дедушкой и еще дедушка. Собака. Кошка. Попугай. Компьютер. Книжки. Холодильник. И – кровать. О-о, моя неценная-неоцененная чудесная кровать. Фантастический матрас. Вожделенное одеяло и обожаемая подушка. Чистые глаженные простыни. Да что там, просто – простыни. Глаза затуманились.

– Я так скучаю по родителям... – продолжила Тома.

– А я – по свободе.

Отстранившись, я припустил вперед. Оставим прошлое позади, надежда на спасение не там.

Как только Тома поправилась, главным делом стали мысли о побеге. Сбежать из пещеры можно в любой момент – метров на сто. Какой-нибудь самец высокого ранга всегда дежурил у входа, охраняя стаю от нападения чужих, а заодно – от глупых поступков своих. В остальное время вождь контролировал стаю лично. Если не справлялся – обязательно находились заместители. Как далеко ни отобьешься от стаи, кто-то обязательно прибудет обратно, нередко с легкими телесными повреждениями.

До сих пор мы мирились с положением дел. С выздоровлением Тома планы поменялись. Мы стали отмечать и запоминать детали, до которых раньше не было дела. Когда-нибудь пригодится. Хотелось, чтобы пораньше.

Стая бодро скакала по предгорному лесу. Перебирая конечностями, Тома внимательно отслеживала, куда опустить ладонь, а куда ступню. Учтывая, как часто это приходилось делать, мозги получали невероятный опыт принятия решений.

Я увидел, что напарница жаждет пооткровенничать.

– Жалуйся.

– Это невыносимо, – поделилась она новыми впечатлениями. – Приходится постоянно смотреть под ноги. Точнее, под руки. А то в такое наступишь...

– Раньше я тоже не задумывался, каково лошадям и собакам.

Через пару часов челоулки что-то учуяли. Похоже, нечто опасное. Насторожившись, люди-животные переглянулись, а вождь, привстав на задние конечности, в позе взволнованного суриката крутил головой. Краткий рык бросил стаю на деревья. Мы с Томой не умели лазить так быстро и так высоко. Нас втащили, наградив тумачами за нерасторопность, и все зависли, как обезьяны. Ни шороха, ни вдоха.

Невдалеке проехал отряд царберов в десяток всадников. Золотые султаны колыхались, плащи развевались, из-под шлемов вглядывались в окружающее суровые лица. В том числе и в листву, ожидая нападения откуда угодно. Нас не заметили. А интересно посмотреть на схватку зверья с профессиональными солдатами. Посмотреть со стороны, конечно же.

Вообще, царберы – это хорошо. Мы с Томой ничего не знали о событиях, последовавших за сорванным Борзым и компанией планом по захвату башни. Находись местность в руках рыцарей, царберы не ездили бы столь малыми отрядами. Впрочем, кто знает. Вдруг получилось захватить других заложников, башня захвачена, а царберы теперь пытаются отбить ее. А если штурм не было – куда могла деться такая прорва разбойников? Куда-то же она делась.

Когда опасность миновала, стая выждала немного, потом начались осторожные перерывания и вопросительный скулеж тех, кто висел не в самых удобных позах. По сигналу вожака начался общий спуск. Я помог Томе спрыгнуть, приняв на руки и поддерживая. Корявыми недочеловеками человолки двинулись дальше. С непривычки Тома быстро выбилась из сил. На нее рычали, грубо подталкивали. Я огрызнулся, а Тома очень старалась, не желая подводить ни себя, ни меня. Последнее было обидно: она убивалась ради меня. Это я – мужчина, помогать и спасать должен я.

– У меня руки скоро превратятся в сплошную мозоль и покроются коростой, – в очередной раз пожаловалась Тома, на ходу едва не откусив мне ухо.

– Лишь бы не сердце, – красиво вывернулся я.

Тома вздохнула и дальше двигалась молча.

Целью похода оказалось поле некрупной, но чрезвычайно сладкой клубники. Или гигантской земляники. Не разбираюсь в сельском хозяйстве.

Стая налетела на красный деликатес, как саранча. Жрали, хватая с грядок. Вытоптали больше, чем сожрали, и еще набрали, сколько смогли. Идею мешка мы с Томой подсказать не решились, использование предметов здесь, похоже, такое же табу, как ходьба на двух ногах или оставление жизни мужчинам-попаданцам у поклонников Аллы, не прошу ее и не приму. Мне и так не спалось из-за имевшейся на мне материальной ценности – пращи на ноге. Загрязнившаяся, насквозь пропитанная потом, почти ставшая частью меня, пока она никого не волновала. Моя единственная вещь, напоминавшая о прежней жизни. И единственное оружие на крайний случай. Хотя что-то подсказывало, что при крайнем случае времени на разматывание и использование пращи у меня не будет.

На обратном пути вожак строго следил, чтобы в дороге никто не съел ни ягодки. По возвращении в пещеру он снова налопался до отвала, остальное отдал малышам и беременным самкам, которые в походе не участвовали. Похвально.

Несмотря на жесткие правила, в стае постоянно возникали какие-то свары и стычки. Воспитательным рыком вожака они быстро прекращались. Мне нравились откровенность и простота звериной жизни. Четкость, логичность и неотвратимая суровость их законов. Каждый знал свое место. Считаешь, что заслуживаешь большего – отвоюй себе большее. Отвоевал – наслаждайся. Побили – признай поражение и живи дальше. Никаких интриг, никаких бесплодных амбиций. Самцы разных рангов в повседневной жизни друг друга обходили. Если наметилась охота, там – все сообща. Нижние ранги во всем помогали вожакам. Если что-то шло не так, одного взгляда, который ставил на место, оказывалось достаточно для вразумления. Если недостаточно и наглец продолжал нарываться, следовал злобный рык, толчок, иногда укус. Что мне нравилось, человолки подавляли дух возможного соперника, не калеча его физически. Стая понимала, что противостоять внешним угрозам сможет только сообща, и чем больше в ней боеспособных особей, тем лучше всем.

Глава 2

Главный враг, которого страшатся все – одиночество. Можно даже цинично допустить, что Господь, если Он есть, а так хочется, чтобы Он был, создал мир, боясь одиночества. Борясь с одиночеством. Иначе – на фига мы Ему? Чтоб доказать Себе свое всемогущество?

Не для славословия мы нужны. Для радости – что есть в мире кто-то, готовый разделить с Ним дело Его. Но мы, ходящие под Его властью и недремлющим оком, мы одиноки. Не всегда, но часто. Не все, но многие. Не сильно... но иногда – смертельно, душераздирающе, опустошительно.

Мы с Томой были вместе, но оставались одинокими. Дважды одинокими. Каждый сам по себе, не находя душе приюта и покоя... и вместе. Вдвоем мы были еще более одиноки. Тоже дважды. Вынутые из своего мира, брошенные черт знает куда. И выдернутые уже из нового мира. Вместо какого-никакого общества людей, пусть средневековых кровожадных феодалов-вегетарианцев, мы оказались среди зверей, пусть и в человеческом обличье.

Чтобы выжить и вернуться хотя бы в мир номер два, приходилось прилагать массу усилий. Главным было во всем подражать, не выдав в себе человека. Но как же надоело притворяться. Не только здесь. Дома выдавать себя за исключительно правильного, в прежней земной школе – за умного и прилежного, в местной – за девочку. То за ангела, то за царевну, теперь вот за волка. Уу-у, здасьте всем, сегодня я Маугли!

Еще иногда нервировала общая нагота. Именно нервировала, не отвлекала. Так, наверное, бывает на нудистском пляже. Когда голые все, это не волнует. Это нормально. Настолько естественно, что неправильным выглядит человек одетый. Сейчас я сам смотрел бы на одетую вертикально ходящую особь как на инопланетянина. Логичны и естественны были грустно свисающие краники самцов, опасно болтавшиеся при ходьбе на четвереньках. И волочившаяся почти по земле мякоть взрослых самок. И облапившие светлокотых мам детеныши, которые висели на спинах и при любой возможности лезли сосать грудь. Даже великовозрастные смышленные непоседы прикладывались к тите, терзая далеко не молочными зубами. Жизнь шла своим чередом – такая, какая есть. К ночи она успокаивалась, затихала. Каждый занимал в пещере положенное место и отдавался сну.

Мы с Томой спали рядом. Иногда, при холодном сквозняке, весьма ощущавшемся на голых камнях, прижимались друг к другу, но чаще стеснялись. Спать в обнимку – слишком интимное действие. Конечно, мы не обговаривали этого вслух, но каждый прибегал к помощи другого лишь в крайнем случае. И второй не отказывал, понимая причину. В основном уличная погода была жаркой, даже нестерпимо жаркой, стояло лето, которое здесь намного теплее нашего. Пещера становилось отдушиной, что несла долгожданную прохладу.

Однажды, ворочаясь во сне, я случайно открыл глаза и застыл в ступоре. Тома была не одна. Раскинув руки, она лежала на спине, блаженно запрокинув лицо, а небезызвестный Смотрик с жадностью лизал ее ноги. Безвольное тело, прикушенная губа, закрытые глаза, не желающие ничего видеть... Такой я Тому еще не видел. И не стал смотреть. Пока мое тело проворачивалось на другой бок, от нарочно произведенного шума Тома очнулась, шаркнула ногой наглого воздыхателя и отвернулась от него в мою сторону. Бурное дыхание, бьющее в спину, постепенно выровнялось. Смотрик неслышно растворился в пещерной мгле.

Смотрик, с какого-то дня затормозивший на этой кличке, был нашим ровесником. Может, на год старше. Чуть выше и крепче. Намного мускулистей, хотя я здорово прибавил здесь в этом. Неестественно синие глаза – не цвета неба, а яркие, васильковые, – мгновенно выделяли его из массы. Плечам позавидовали бы галерные гребцы. Засаленные белые космы ниспадали шикарной гривой, делая парня похожим на актера с набриолиненными волосами.

Родившийся светлокожим, сейчас он загорел, обветрился и заматерел. Кожа задубела, став жесткой. И нам предстоит стать такими, если не вырвемся отсюда как можно быстрее.

Рангом паренек тоже не вышел. Такой же подросток-одиночка, как мы. Обитал он в своем углу, участвуя только в общих делах стаи, с сильными не связывался, сразу падая в позу покорности. Вообще ни с кем не связывался. Даже с теми, с кем мог бы. Такую позицию принципиального выживальщика я понимал, но не принимал душой. В свое время Горький сказал, что существует лишь две формы жизни: гниение и горение. Гнить – не мое. Я предпочитал бороться за лучшую жизнь.

Самцы высшего ранга постоянно напоминали низшим, кто есть кто: рычали, просто проходя мимо, кусали, сбивали с ног. Мне тоже доставалось, но Смотрик был в этом деле чемпионом. За что-то его невзлюбили. Никто к нему не подходил, никто не заступался. Ничего хорошего он от членов стаи не видел. Мы с Томой тоже не видели, но нас это радовало, поскольку позволяло меньше мозолить глаза своей инаковостью. Смотрика огорчало. Почти до слез.

Чувства здесь выражали четырьмя способами.

Самым простым было игнорирование, вызванное полным равнодушием.

Свирепый оскал означал агрессию, ярость, выражение превосходства и принуждение к повиновению.

Нежелание связываться признавалось желанием подчиняться. Нужно было лебезить, растилаясь по земле передней частью, елозя грудью и заискивающей мордой, либо падать на спину, демонстрируя, что без драки признаешь поражение. Тогда оставляли в покое.

Четвертое выражение чувств, самое приятное – любовь и симпатия. Здесь не знали красивых слов, не делали комплиментов, не умели целоваться. Ухаживали просто, при помощи языка, который при первой возможности старался добраться до понравившейся особы. Взаимно симпатизирующие терлись мордами, облизывали друг друга. Постепенно из таких складывались пары. Но не обязательно. Самцы выбирали из нескольких самок, самки из многих самцов. Иногда возникали ссоры. Доходило до драк. Тогда вмешивался вожак, восстанавливая статус-кво.

Утром я ничего не сказал Томе. Она ничего не сказала мне. Так у нас завелась тайна. Мы поднялись с каменной постели, по очереди вышли на скалу по надобности, затем напились и умылись в ручье. Смотрик старательно не попадался на глаза ни мне, ни Томе.

Плохо, когда есть тайна. Еще хуже, когда тайна не твоя, и нельзя сделать первый шаг.

Выспавшийся вожак принялся обходить пещеру. Она была извилистой, со многими отводами, перепады вверх-вниз и в стороны запутали бы любого, кроме коренных обитателей. Зубья сталагмитов местами сливались с верхней челюстью сталактитов. Иногда с потолка сыпались камни. Между больших глыб виднелись протоптанные многими сотнями ног и рук тропиночки, по ним и двигался вожак, поочередно обходя всех. Увесистые пинки и шлепки указывали, кому быстро выскакать наружу, а кому оставаться. Все боеспособные самцы вышли сами. Из высокоранговых самок вожак оставлял тех, кто сейчас не мог передвигаться быстро.

Смотрик при его приближении привычно поднял и раскинул все четыре конечности, уверяя в несусветном почтении и категорическом отсутствии дурных мыслей.

– Грр!

Рык сопровождался пинком, подбросившим тельце подростка на полметра. Скуля, Смотрик быстро засеменял к выходу.

Обойдя кормящую мамашу и нескольких малышей, краткой дугой вожак вышел к нашему углу.

– Грр! – Грязная пятерня толкнула съезжившуюся от страха Тому, не поднявшую лица и тем не демонстрирующую ни вызов, ни покорность.

Тому от такого касания подбросило и едва не перевернуло в воздухе, она застонала.

– Ррр! – рывкнул я, сам не ожидая от себя такого.

Вожак не ожидал тем более. Широко замахнувшись, он отправил меня в полет на ближайшие камни.

– Грррр!

Приходившая в себя голова кружилась от боли и, кажется, намеревалась расколоться. Я помотал ею, успокаивая кружение цветных пятен перед глазами. Подбежала Тома, подобрала меня с пола, взвалив поперек тонкой спины, и, покорно пригнувшись перед вожаком в позе почтения, вместе со мной потащила на выход. Инцидент был исчерпан.

– Не нарывайся зря, – шепнула она.

– Зря не буду, – вылетело у меня обещание, пока я со стоном сползал на землю, вставая на собственные руки и ноги.

Обошлось, ничего не отбил, не сломал. Даже ободрал не до сильной крови. Тома, конечно, права... но почему-то не покидала противоречивая уверенность, что я поступил правильно.

Вожак повел стаю дальше в горы. На вершины гор. И через вершины, в знобящий ветер и голые камни. Тропинок не было. Редкие кустистые площадки в начале пути позволяли идти хоть как-то, в остальных местах приходилось карабкаться. Много часов мы добирались до спрятанной между скалистых гор долины. Стало понятно, почему многих оставили. В некоторых местах влезть по отвесным камням могли две категории: самые опытные и самые юные. Первые знали как, вторые ничего не боялись. И учились – на ходу.

Из Тома скалолаз оказался, прямо скажем, фиговый.

– Правило трех опор! – снова и снова шептал я, когда ее нога в очередной раз срывалась, а руки едва успевали схватиться за что-то. Иногда за меня. Пару раз я хватал ее, уже покотившуюся вместе с осыпавшейся породой.

– Я знаю, – кивала она, – но... забываю. Нога сама идет.

Нога снова пошла. Сыпучий камень под ней обрушился, Тома поехала вниз, глядя в мои удалявшиеся глаза невыразимо круглыми своими. Помочь я не успел – брошенная вдогонку рука жамкнула пустоту.

На участке ниже что-то шарахнулось вбок, и проносившуюся вниз Тому на лету перехватил прыгнувший в ее сторону Смотрик. С расцарапанным животом и грудью, ошалевшая Тома болталась над чудовищной пастью пропасти с острыми зубами внизу, удерживаемая чужой кистью за ногу. Голова свесилась вниз, руки растерянно пытались уцепиться хоть за что-то. А не за что.

– Держись! Иду! – крикнул я, начисто забыв о конспирации, и стал быстро спускаться, иногда откровенно плюя на то самое правило трех опор. На чей-то недовольный рык сверху было начхать. В висках стучало. Молотом. По звонкой наковальне мозга. В том числе – спинного. Успею ли?

Последние пару метров пришлось просто съехать, расчекрыжив зад кровавыми полонами. Ступни почувствовали крепкую опору. Напрягшийся Смотрик уже вытягивал Тому из бездны, перехватив поперек ребер, мне осталось только придержать ее за руки, переворачивая головой вверх, а его подстраховать.

От опережитого страха вжавшись в спасителя, Тома не смела отпустить вцепившихся в него рук. Отдышавшись немного, она обнаружила себя висящей на постороннем человеке и меня рядом. Смутилась жутко. Ушки запыхали.

– Спасибо, – проговорила Тома еле слышно, отлипая от парня, который продолжал держать ее так, словно она еще падала.

Объятия разжались. Серьезно кивнув, Смотрик полез вверх.

– Чапа, если бы не он... – вымолвила Тома.

– Ага.

Не тупой, понял.

Теперь я подстраховывал снизу, следя за каждым шагом, не отводя взгляда от самого мелкого движения тела, поднятия ноги, опускания ступни, хватания руки, распрямления опорного колена. Красная, как знамя коммунизма, Тома молчала и не возражала. Правило трех опор с этой минуты соблюдалось неукоснительно.

Достигнув вершин скальной гряды, мы распластались в изнеможении и чуточку отдышались на пронизывающем ветру.

В начале спуска в долину обнаружилось райское местечко. Среди скал ниспадал и разбивался на миллионы бриллиантовых брызг маленький водопад. Рядом, прямо на склоне, располагалась рощица деревьев с похожими на вишню плодами, только вытянутыми и вязкими на вкус. Дома я бы придирился, а здесь объедался вволю, спеша набить желудок, пока вожак не дал другой команды. Вся стая быстро обглаживала ветви. Почти вся. Только Тома, съев с десяток ягодок, отправилась к водопаду.

Недалеко от меня посреди невысокого дерева на тонкой ветви висел Смотрик, держа в ладони горсть сорванных ягод. Не донес их до рта. Забыл, как жевать. Я повернулся посмотреть туда, куда он смотрит.

Ну, естественно. Окутанная сверкающим облаком, моющаяся Тома возносилась с пенящимися пузырьками брызг, словно сама превратилась в один из этих взрывающихся игристо-шаловливых пузырьков. «Красивых снов» – говорят в этом мире, уходя спать. Вот он, красивый сон, передо мной. Именно так он должен выглядеть. Красота природы во всех ее ипостасях.

– Грр! – сказал я Смотрику.

Едва не рухнув с хлипкой ветки, парниша быстро загрузил в рот полную горсть ягод. Ну, вылитый хомяк, если судить по надувшимся щекам. Или коала – если принять во внимание висение на дереве.

Не буду портить ему настроение, спаситель, все-таки. Я спустился на каменистую почву, кое-где пробивавшуюся жухлой зеленью. Наевшийся вожак уже отдыхал. Команды набирать ягод с собой не было, значит пойдем дальше. Сейчас небольшой привал. Упав на облезлую травку прямо под деревом, я вытянулся с непередаваемым наслаждением. Позвоночнику нужен отдых от постоянного четвероногого хождения. Веки сами собой смежились, мысли плотными ангелами унеслись на седьмое небо.

Обдало морозно-жгучим водяным холодом. Ледяные икры по очереди коснулись моих бедер, прижав слева и справа, а из дышащего влажной прохладой пупка скатились несколько капель воды. Прямо на меня. От такой бомбардировки кожа пошла пупырышками, как недавно на гребне скалы.

– Лежебока. Пойди искупнись, – чуть слышно прошелестело надо мной.

Я приоткрыл один глаз пошире. Покрытая такими же мурашками блестящая кожа Тома оживала от солнечного тепла. Глаза сияли. Намокшие волосы завершали сходство с вышедшей на берег русалкой, чье предназначение в жизни – манить, завораживать и завлекать в бездонные омуты.

– Смотрика пригласи, – едва слышно бросил я. – Он в твою сторону глаза сломал и чуть вывих шеи не заработал. Одно слово – Смотрик.

– Хорошая идея, – шаловливо шепнула Тома, перенося через меня ногу и отшагивая в сторону.

– Только учти, – добавил я вслед, – они мыться не любят.

– Знаю, они предпочитают облизываться.

Перед глазами вспыхнула ночная сцена. Я перевернулся на живот и затих.

Тома, конечно, никуда не пошла. Присела рядом.

– Ты из-за него, что ли, такой бука? – Она указала глазами на усиленно жующего Смотрика.

– Просто устал.

Я приподнялся, привалился спиной к тонкому деревцу и стал срывать низко растущие ягодки. Тома прислонилась с другой стороны, наши плечи соприкоснулись.

– Не представляешь, как здорово кому-то нравиться. – Тома с укором толкнула меня своим плечиком.

Хмуро глядя вдаль, я сделал неопределенное движение: как бы развел руками, но только обозначил действие, поскольку лень было поднимать руки целиком. Да, не представляю. Или нет, не представляю. Или представляю. Какая разница?

Над нами нависали скалы, пройденные с таким трудом. Вокруг слышалось чавканье, визги, рык. Кто-то уже выяснял отношения. Еще кого-то учили субординации.

В странной задумчивости рядом с нами остановился молоденький самец. Не то, чтобы совсем юный, но старше нас, как минимум, на несколько лет. Я прозвал его Живчиком, поскольку никогда не видел сидевшим на месте. В пещере он постоянно находил себе занятие. То играл с мелкими, то приставал к взрослым, требуя бороться. Всегда бывал поборот, но проходил неплохую школу. Частенько получал звонкие оплеухи. Иногда сам умудрялся дать кому-нибудь затрещину. Тогда он сразу падал на спину: извиняюсь, вышло случайно, не бейте сильно. Не били. Признал покорность – что еще нужно? То, что подрастает будущий конкурент, во внимание не принимали. Пока не опасен, и ладно. Здесь жили настоящим.

Живчик потянулся к Томе рукой.

– Грр! – оцетинился я, прыгая на четвереньки и кривясь в боевом оскале.

Живчик одурело поглядел на меня. Просто не понял. Как это? На него, набирающего силу самца, огрызается какая-то мелюзга?!

Тома отшатнулась, прячась за дерево. С соседнего дерева очумевшими глазами на происходящее глядел Смотрик.

– Гррр! – Живчик приподнялся надо мной, показывая мускулы.

По всем правилам я должен признать моральное поражение и отползти.

– Гррррр!!! – взревел я, пригибаясь к земле для прыжка.

Живчик оглянулся. Никому до нас не было дела, всем своих забот хватало. Еще раз посмотрев на меня, ждущего боя, он важно развернулся и побрел к воде. Типа, не очень-то хотелось. И вообще, у него дела, а мы отвлекаем.

– Что, здорово кому-то нравиться, ага? – морально укусил я бурно дышавшую Тому.

– Я имела в виду... – Ее голос изменился: – Смотри!

Далеко в долине вился дымок.

Люди. Люди ли? Какие люди? Я видел разных. Одни хотели меня убить по закону, другие похитили и могли убить без закона, третьи вообще не совсем люди и убить могут в любую секунду. Кого мы могли встретить в горах?

Вожак рыкнул продвижение дальше, стая поднялась.

– Думаешь, мы идем туда? – тихо спросила Тома.

Я пожал плечами.

Значит, в горах живут люди. Как минимум, они знают огонь. Еще дальше за горами тоже кто-то живет. О них говорила Деметрия. Может, плюнуть на все и рвануть туда, в неизвестность? От стаи можно отстать... но, к сожалению, недалеко. Вожак успевает следить за всем, на ровной местности он легко догонит. Нужно найти место как у той отвесной скалы, где Тома чуть не убила.

О чем я? А как же Малик, Шурик, дядя Люсик? Теперь мы отвечаем не только за себя.

А если те, в долине – пожиратели? Людоеды, как говорили, вторя друг другу, Гордей и Варфоломея.

Желание глупо рисковать улетучилось.

Стая спускалась к горному озеру – большому, в новых местах еще не виданному. Возможно, там даже глубоко, в отличие от лужеподобных озер страны башен. Рядом с водой виделось сооружение, рябившее в глазах. Я никак не мог понять, отчего такой эффект.

– Что это?

– Никогда не был на море? – улыбнулась Тома. – Сушильня для рыбы.

Точно. Сотни и тысячи рыб и рыбешек угадывались в непонятном мельтешении. Еще пару часов стая добиралась до сушильни, потом осторожно озиралась, принюхивалась. Затем состоялся набег. Быстрый, решительный, успешный. Людей у сушильни не оказалось. Каждый человек хватал по паре-тройке вывешенных сушиться больших рыбин и пускался наутек. Мы с Томой тоже.

Через минуту стая карабкалась вверх по склону. Если так спешат, значит доводилось сталкиваться с хозяевами рыбы. То есть, хозяева могут задать перца могучему зверю, которое не боится ни волка, ни рыцаря. Значит...

Значит, людей в горах много, и у них есть оружие. Или их мало... но у них есть серьезное дальнобойное оружие. Учтем на будущее. А пока не следует забывать: на расстоянии никто не отличит меня и Тому от прочего зверья, и удачный выстрел положит конец надеждам.

Довольная стая заночевала у того же водопада. Трофеи сложили в общую кучу, несколько высокоранговых самцов окружили ее своими телами, не доверяя никому, включая друг друга. Не завидую тому, кто покусится на добычу.

В горах солнце закатывается быстро. Оно почти падает за горизонт. А еще – на высоте холоднее. Значительно холоднее. Мы это почувствовали. Все кучковались, жались, сворачивались клубком. Мы с Томой прижались друг к дружке, даже обнялись, увеличивая площадь соприкосновения. Раньше мы так не делали. Но раньше не было так холодно.

– Один индеец под одеялом замерзает, – вспомнил я фразу-довод из очень старого фильма. – Два индейца под одеялом не замерзают.

– Логично, – откликнулась Тома, сильнее вжимаясь и кутаясь в мои объятия. – Особенно, когда одеяла нет.

Стая быстро затихла. Слышались храп, хрип, сопение, шмыгание носом. Одно из них то и дело происходило за спиной Томы – там мерз и дрожал от ночного холода ее спаситель.

– Чапа, – услышал я шепот.

Налитые дремой веки приподнялись: в меня упирался взгляд, где сна – ни в одном глазу.

– Я так не могу. Ему холодно.

– Всем холодно, – отмахнулся я от девчоночьего каприза. Вернее, попытался отмахнуться.

– Он замерзнет.

– Они привыкшие.

– Посмотри на других. У всех есть, к кому прижаться. У Смотрика нет никого.

– И что? – Я свел брови.

Тому мой хмурый вид не пронял.

– Чем больше индейцев, тем теплее, – конфузливо улыбнулась она.

И что я мог возразить?

– Рр, – пронесся в сторону парнишки тихий оклик.

– Рр? – непонимающе вскинулся он.

– Рр! – мой загребающий мах рукой пригласил его к нам.

Смотрик все еще не решался. Недоверие боролось с радостью. Недоверие, наученное опытом, побеждало.

– Рр! – в приказном порядке я указал за спину Томы.

– Рр?! – все еще не верил он.

– Грр! – гневно завершил я дискуссию, давая понять, что повторных приглашений не будет.

Смотрик зашевелился, растирая затекшее и подмороженное.

– Спасибо, – прошептала Тома, чмокнув меня в щеку.

Я высвободился, поджал похолодевшие колени почти до подбородка и отвернулся, не желая видеть, как новоявленный сосед устраивается на новом месте.

Тома прижалась к моей спине, тепло обвив руками и ногами.

Смотрик таким же образом расположился за ней, его длинная рука накрыла ее руку, накрывавшую меня.

Недвижимо полежав так некоторое время и действительно согревшись – не то от жара, исходящего от млеющей Тома, не то от пламени мыслей – я жестко объявил:

– Переворачиваемся.

Открывшиеся Томины глаза, затянутые поволокой, с любопытством поглядели на меня, но возражать не осмелились.

Все повернулись на другой бок. Теперь мою спину зверски морозило, зато я был спокоен за Тому. И сразу уснул.

Глава 3

Есть такое философско-географическое понятие на востоке – Шангри-Ла. Рай на земле. Его искали все. Нацисты посылали в Тибет экспедиции, буддисты указывали им в сторону гор, дескать, вон там она самая и есть, ищите и обряцете... может быть. Про себя посмеивались: Шангри-Ла – понятие больше духовное, чем материальное. Но человеку западного склада ума понять это сложно. И люди ищут. Уж сколько лет. Веков. Тысячелетий. Свой потерянный рай. Ищут, не щадя ни жизни, ни сил, ни времени – в безумно-несбыточной надежде вновь обрести его. Чтоб успокоиться. Потому – нет им покоя. Бедным. Не знающим, где искать. Не ведающим, что творят. Впрочем, почему – им? Нам.

Трудно, очень трудно принять... не понять, а именно принять, что наш покой, наш рай – внутри нас.

И ад внутри. Мы носим его с собой. Так и живем.

Мне могло быть очень хорошо в сложившихся обстоятельствах. А было плохо. Вместо радости жизни и порхания беззаботным наслаждающимся мотыльком – груз решения взрослых проблем. Одно накладывалось на другое. Построение планов о пути назад, на свою Землю. Организация поисков исчезнувших членов команды, к которым я даже не знал, как приступить. Мечты о самоотверженной Зарине, увезенной в башню и, наверное, потерянной для меня навсегда. Тревога за Тому, взрослеющую не по дням, а по часам. И без того не маленькая девочка, в новых условиях она просто расцвела. Я боялся, что произойдет нечто непоправимое. А отвечал за нее – я. Что скажу Малику при встрече? Сейчас именно он стал для меня главным авторитетом. Мужчиной, мнение которого было важнее прочих. Кратким появлением в моей жизни Малик заставил меня отбросить детство и тоже стать мужчиной. Ну, попытаться стать.

Морозный рассвет выгнал стаю с ночевки. Позавтракав ягодами и собрав немного с собой, человолки расхватили добычу, голые тела обезьяно-людей полезли в гору. Наша троица – да-да, уже троица – помогала друг другу, подпихивала, поддерживала, втягивала. Потом стая спускалась вниз, почти скатываясь и сдирая себе все, что можно и где нельзя. Еще и добыча в руках. Можно было потерять друга, но потерю добычи вожак не простил бы.

До пещеры добрались совершенно без сил. Свалив трофеи, стая распозлзлась отдыхать. Смотрик, бросив на меня виновато-трусливый взгляд, пристроился к нам.

Я пристально глянул на Тому. Ее щеки порозовели.

– И здесь? – не успокоился я.

– Чем больше индейцев...

Пожав плечами, я бухнулся на свое место. На улице жарило солнце. В прохладной пещере не требовалось спасаться ни от тепла, ни от холода. Сейчас. Но кто знает, что будет завтра. И будет ли.

После краткого отдыха вожак взялся за ужин. Это значило, что когда-то очередь дойдет до нас. В ожидании мы глотали слюнки. Сушеную рыбу я не ел очень давно. Целую жизнь.

Когда настал черед... это было божественно. Даже процесс очистки, ненавистный дома, здесь показался священным ритуалом. Нам выделили половину рыбыны на троих. Чистил я. Смотрик с удивлением следил за моими священнодействиями. Потом мы с Томой блаженствовали, а Смотрик вяло жевал, не понимая наших восторгов. Он ел потому, что надо. От голода. Для нас это был вкус дома.

Когда Смотрик поднял последний кусочек к носу и глазам, вновь пытаюсь понять наши восторги, рядом появился Гиббон. Тычок. Толчок. Краткий рык. Рыба перекочевала в руки здоровяка. Смотрик послушно опрокинулся в позу послушания.

Я поморщился. Тома развела руками, показывая мне: а что делать? Жизнь, мол, такая.

Не знаю, что делать. Но что-то делать надо. Я бы сделал.

После рыбы, естественно, потянуло пить. И мыться с дороги. Мы проползли в глубину пещеры к воде, где наблюдалось столпотворение. Со странной ревнивой внимательностью я замечал все: как Смотрик подносит Томе зачерпнутую воду, и она пьет у него из ладоней. Как чужие руки помогают потереть спинку. Как две улыбки расплываются навстречу друг дружке, если хозяева физиономий думают, что я не вижу.

Надо держать ухо востро. Я мужчина и отвечаю за все, что происходит.

Устав от мыслей, я нагнулся, голова окунулась в ручей. Ух! Еще раз. И еще. Мозги прочистились. Ледяная вода привела в чувство. Чего я пристаю к Томе, зачем жить мешаю? Может, завтра нас съедят на обед. Или сбросят со скалы. Или сами упадем. Не буду изображать из себя папика, пусть все идет, как идет. Вмешаюсь, только в экстренном случае. Аглая тоже все время перестраховывалась – чем это для нее закончилось?

Когда я добрался до своего угла, мои голубки, усталые, расцарапанные о камни, все в ссадинах и порезах, уже отключились. Я привалился у Томы с другого боку и закрыл глаза.

Наш рай – внутри нас.

Среди ночи употребленная вода потребовала выхода. Прежде, чем подняться, я осторожно обернулся к Томе.

Ерш твою налево. Опять. Оказывается, дело серьезнее, чем думалось. Но я дал себе слово не вмешиваться. А еще, самое главное, – Томе было хорошо. Даже слишком. Она лежала на спине, руки раскинуты, рот открылся, лоя убегающийся воздух высушенными губами. Смотрик, скрючившийся в три погибели, усердствовал, вылизывая нежные пальчики на ногах. Гибкий язык порхал по ним и между, шершаво охаживал огрубевшую пяточку, нежный подъем, тонкую щиколотку, а руки легонько поглаживали тянущуюся навстречу Тому, запрокинувшую лицо со страдальчески-счастливыми закатившимися глазами. Рыдало в предсмертных судорогах ее отринувшее реальность сознание, голова моталась, падая то в одну, то в другую сторону. Глаза вдруг открылись... и встретились с не успевшими отпрянуть моими.

Спина покрылась липким потом. Я хотел зажмуриться, отвернуться, заявить, что ничего не видел, не смотрел, вообще спал без задних ног...

И не мог. Глаза продолжали тупо глядеть в глаза.

Но Тома была не здесь. Не вся здесь. Каким-то осколком сознания она, конечно, поняла происходящее. Реальность стала дикой, невообразимой... Но Тома не желала отвлекаться на это понимание. Но также не могла оторваться от моих напряженных глаз.

«Оттолкнуть? – словно спрашивал ее взгляд. – Зачем? Высвободиться? Отправить восвояси? Да зачем же?!»

Что-то пугающе неизведанное выросло из глубин ее затуманенного организма. Поднималось медленно и неодолимо, как воздушный пузырь из водных глубин. Назад не загонишь. Тома с радостью и полным самоотречением отдавалась той новой необузданности, которой наплевать на все. И на всех. Даже на меня.

А вот не дождетесь. Я мужчина, у меня на попечении женщина. Мой долг – ликвидировать любые угрозы, что могут как-то повредить ей. Считаю, что новая угроза реальна. Принимаю меры.

Я кашлянул. Достаточно громко. Для стаи звук нормальный, для блаженствующей парочки – ошеломительный.

Смотрик просто отвалился за Тому, замерев в ужасе, его лицо с закрытыми, типа спящими, глазами, ждало удара или другого выяснения отношений.

Тома испуганно ойкнула. Крепко сжав ноги, она обхватила себя руками и обернулась ко мне.

– Чапа...

– Ничего-ничего. Можете считать, что меня нет. Буду молчаливой галлюцинацией.

Я поднялся. Тело Томиного ухажера пошло мелкой дрожью. Но он мне был не нужен, я отправился туда, куда собирался.

Вне пещеры было по-предраассветному свежо. Дозорный из высокоранговых проводил меня сонным взором сначала туда, на посещаемый всеми уступ, затем обратно.

По возвращении в нашем углу обнаружилась идиллическая картинка. Голубки спали. Чуть не в метре друг от друга. Вернее, делали вид, что спят. Я лег на свое место и гордо отвернулся. Сзади настиг шепот, прямо в ухо:

– Трудно раскаиваться в приятном, как в свое время заметила Маргарита Наваррская. Прости, я не хотела тебя шокировать.

Эрудицией решила давить? Не на того напала.

– Жаль, Шекспир сейчас не в моде, – пошарив по извилинам в поисках убойной фразы, выдал я в ответ. – «И голой с другом полежать в постели – в границах добродетели нельзя?»

Ответа не последовало. Я не выдержал:

– Языком по грязной коже. Мы же не звери. Как такое может нравиться?

– Глупый вопрос, – насупилась Тома. – А дышать – нравится? Ходить – это как, нравится или нет?

– Не вижу связи.

– А я вижу. Прямую.

Мы немного помолчали.

– Мужики твердо усвоили: хорошая девочка должна уметь делать то же самое, что плохая, но – хорошо. А этому нужно учиться, – попыталась оправдаться Тома.

– Неправда, – твердо заявил я. – Так хорошая превращается в плохую. А по-настоящему хорошая ждет своего принца.

– Оставаясь неграмотной эмоциональной инвалидкой, глухой к чувствам. Замороженной чуркой.

– Ставишь знак равенства между хорошей девочкой и нечувствительным поленом?

– Вот еще. Хотя...

– Только попробуй сказать, что согласна.

– Я считаю, чувства даны, чтобы чувствовать.

– А кулаки, чтобы бить морды.

– Не передергивай.

– Ты первая начала.

Тома вздохнула.

– Скажи, – спросила она едва слышно, – какую ты хотел бы встретить: хорошую или умелую?

– Любящую и верную.

– Это само собой, кто же спорит?

– Ты, – упрямым ослом выдавил я.

– Думаешь, умелая не сможет быть верной?

– Думаю, любящая всегда сможет стать настолько умелой, как захочет ее принц.

– Идеалист, – буркнула Тома.

– Наивная дурочка, – припечатал я.

– Принц не дровосек, ему бревно не нужно.

– Дровосеку тоже нужно не бревно. А принцу нужна принцесса. Которой он гордился бы.

Которую хочется вознести на пьедестал...

– И там оставить, подыскав себе другую, чтобы с ума свела своими умениями.

– Любые умения приходят с опытом...

– Именно!

– ...который влюбленные обретают вместе.

– Ррр! – сонно рыкнул кто-то неподалеку, услышав неправильные звуки.
Мы затихли.

Если люди долго спорят – значит, то, о чем спорят, неясно для них самих, заметил кто-то из очень умных. А еще – будто затянувшаяся дискуссия означает, что обе стороны неправы. Остановимся на этой мысли, пусть каждый из нас считает, что прав именно он. Это лучше, чем драка.

На Тому плохо влияла обстановка. Слишком много всего перед глазами – не совсем человеческого. Не так уж много отделяет человека от зверя. Нужно ли откидывать последнее?

Как объяснить ей, что нужно держаться? Любовь со зверем – не любовь. Любовь – это вообще не то, что она думает. Не то, чем наполнил это слово двадцать первый век.

Тома вновь открыла глаза. Серьезный взгляд уперся мне в переносицу. Лицо приблизилось вплотную.

– Знаешь, есть один очень старый, но очень известный фильм. Приглашенный искуситель поднимает замужнюю, но неопытную молодую героиню до открытия себя как женщины. Через боль и страх возносит ее, слепым котенком тыкавшуюся носом во все двери с неприятностями, до Гималаев чувственности.

– Искуситель – страшный такой старикан, в костюме при тропической жаре?

Фильм, о котором говорила Тома, действительно очень старый, но романтически-эротическую песню оттуда до сих пор крутят радиостанции. После просмотра фильма кто-то плюется сразу, кто-то потом, когда вырастет физически и духовно. Три поколения расставили по местам правду и желание казаться правдой.

Тома упорно смотрела мне в глаза, безотрывно, не мигая. Даже страшновато стало. Чего она там себе надумала? Не представляю, как вернуть ее с вымышленных небес на землю.

– Героиня не заметила ни уродства, ни возраста, – продолжила Тома. – Я не касаюсь вопроса, хорошо ли показанное, нужно ли, я говорю о другом. Что чувствовать надо учиться, иначе вместо ожидаемого фейерверка однажды получишь разочарование и гадкую опустошенность.

Шепот из губ прямо в ухо – горячий, срывающийся – едва разобрался мозгом. Приходилось очень стараться.

– Говоришь так, будто сама пережила, – уколол я, почти утонув губами в прохладной ушной раковине.

– Грубиянов нам не надо, мы сами грубияны, – гневно покраснела Тома, откидывая щекой мое лицо и приныкая к уху. – Не обязательно переживать все самой, даже небольшим умом можно блистать, натерев его о книги.

– Красиво сказала. Сочно и скромно. Но один тип нагло спер у тебя эту мысль, отчего, видимо, и умер еще в прошлом веке.

Мы умолкли: в нескольких метрах от нас поднялась косматая фигура. Спутавшиеся патлы мотнулись, когтистые пальцы поскребли в мощных паховых зарослях. С хрустом потянувшись, фигура вновь опустилась на четыре конечности и сонно побрела к выходу.

Тома вновь ткнула носом мне в темечко:

– Ты такой начитанный, аж противно. Но иногда завидно. Очень редко, потому что...

– Кажусь занудой? – догадался я.

– Не кажешься.

Я не успел порадоваться.

– Зануда и есть.

– Этот зануда своими знаниями постоянно помогает выжить, если ты не заметила, – с обидой отстранившись, освежил я девичью память.

Для Тома это не довод. Как все самоуверенные особы, которые практику предпочитают теории, она считала, что опыт нельзя передать, можно только приобрести.

– Вспомни молитву бойца из местной школы. – Шепча в ухо, она вновь приблизила лицо, плотно прижавшись щекой к щеке: – «Я буду заставлять себя заниматься день и ночь, ибо кто победит: кто умеет, или кто знает, как это делается?»

– Думаешь, уела? – ответно зарылся я во внимающее ухо.

Тома не дала привести убийственный довод, оборвав на полуслове. Ее лицо лихим движением оттолкнуло мои губы и вошло в ухо своими:

– Вот ты, например, хорошо знаешь библию, хотя не знаю, зачем...

– Для общего развития, – сразу пояснил я, чтоб не думала всякого.

Она снова оттеснила мое лицо:

– А я запомнила одно: во mnogой мудрости много печали. Спи, мой рыцарь печального образа.

Она отодвинулась, ее глаза закрылись.

Сон не шел. Зная, что позади Тома обретается нахальный соблизнутель и искусатель, тело ворочалось, голова постоянно вскидывалась с проверками. Томе это надоело. Язвительно сморщившись, она показала язык и отвернулась, ее ровная спина гордо выпрямилась.

Я долго лежал, дыша ровно и глубоко, думал думы. В голову лезло такое, что лучше бы не думал. Через некоторое время я не выдержал: моя голова осторожно приподнялась...

Томина рука бродила по покрывшемуся мурашками соседнему телу. Ее разрывала жажда познания. Я привстал. Ни Смотрик, безуспешно изображавший сон, ни словно замороженная, немигающе глядевшая в другую сторону Тома, моего движения не заметили. На моих глазах ладонь продвинулась дальше и игриво отдернулась, достигнув опасной черты. В ответ вопрошительно приподнялась и перешла в контратаку рука Смотрика. Тома не возражала. Ее горевший сумасшествием организм мечтало о новых ощущениях и невероятных открытиях.

Может, я неправильно понимал Томины мотивы? Может, она – исследователь, познающая себя через окружающее. Через осязание другого – свою душу, искреннюю в этот момент как никогда, не готовую ни ко лжи, ни к подлости.

Или это обряд самоочищения – огнем страсти? Я же вижу, как радуется она невероятному ослепляющему свету, что зажегся внутри. Радует... и стыдится одновременно.

Они не видят, что я не сплю. Собственно, им нет до меня дела. Они изучают друг друга – смакуя и подавляя нетерпение. Смотрик касается Тома. Осторожно, боязливо, но страстно. Она дотрагивается до него. Пальцы ощупывают персиковые щеки, не доросшие до бритвы, шероховатый лоб, нервно дышащий нос, веки с длинными ресницами.

Давно пора напомнить о своем существовании. Но кошмар в том, что я тоже живой и тоже имею определенные желания, мозгом не контролируемые. В моем возрасте не иметь их равносильно болезни. Из-за этого иногда случаются неловкие ситуации. Бывают такие сны, что утром не всегда удается незаметно убрать последствия. Тома как бы не замечает. Любопытно: все же не замечает, или «как бы»? Если б ее это нервировало или возмущало, давно сказала бы. Молчание – знак смирения. Либо незнания. Но не знать о моих потребностях, когда ее саму аж корежит и перекручивает...

В обычное время ни один человек, как и мы, новые члены стаи, не обращает внимания на наготу окружающих, но это не значит, что она не волнует в другое время. И если у меня под боком происходит то, что сейчас происходит, невозможно остаться невозмутимым. Организм проснулся. И как влезать в соседскую жизнь в таком виде? Потому я не шевелюсь, дышу за порогом слышимости и продолжаю смотреть, как девичьи пальцы гуляют по влажным губам, жесткому подбородку и мягкой шее с отчетливым кадыком. Кавалер приветствует усилия дамы, словно снимая перед ней широкополую шляпу, делая тридцать два подскока и подметая пол огромным пером, – и Томина противоречивая плоть проседает в ответном реверансе. Органы Смотрика волнуются, пульсируя и надуваясь. Они похожи на дышащую жабу:

прилив, отлив, прилив, отлив. Нет, больше не могу. Резко поднявшись, я перешагнул Тому и нагло втиснулся между ними. Они отпрянули, одновременно сжав веки и отвернувшись.

Вот и славненько. Теперь можно поспать.

Глава 4

Ощущение, что закрыл глаза и сразу же открыл вновь. Стая шумно просыпалась. Вожак рыкнул неспешную команду на выход. Типа, собирайтесь, выходите, а я еще пару минут подремлю.

Проснувшаяся Тома с удивлением обнаружила меня не с той стороны. Мгновенно вспомнились ночные приключения. Она зарделась, вспыхнувший взор отпрыгнул в сторону. Смотрик встал тихо, как мышка, и побежал наружу, куда постепенно утягивалась из пещеры вся стая. По дороге он наткнулся на Живчика, только что наказанного Гиббоном, в свою очередь за что-то поставленного на место вожаком. Живчик отыгрался на Смотрике, толкнув его и рыкнув. Дескать, смотри, куда прешь. Хотя Смотрик пер куда надо.

По пути к выходу рядом со мной оказалась Пиявка, лизнувшая в высоко задранную ягодицу. Я привычно отшатнулся, но что-то внутри вдруг сказало: а это не так уж противно. Оглядывание назад показало радостный оскал Пиявки, а еще дальше ухмыляющуюся физиономию все видевшей Тома. Покраснев ушами, затылком и даже облизанной попой, я быстро рванул вперед.

Вышедший последним вожак рыкнул и повел стаю направо, что значило – на восток, прямо на слепящее солнце. По скалам, вдоль возносящейся с юга гряды гор. Если вспомнить нарисованную дядей Люсиком карту, где-то впереди находится причал. В начале лета там началось наше путешествие. Вдруг в конце лета круг замкнется?

Как дни-то бегут! Вот лето пролетело, и ага. Как нечто призрачное воспринимался не только невозможно далекий дом, но и школа царевен. Мы постепенно свыкались с новой реальностью. Животной. Даже зверской. Две недели ангелами не шли ни в какое сравнение с тремя месяцами волками.

Благодаря мерзкому питанию и постоянному движению мы стали жилистее и мускулистее. Я погрубел, вытянулся и раздался в плечах. Тома одновременно осунулась в стройной худобе, а кое-где приятно по-женски округлилась. В прежние времена неумная, непредсказуемая, лихая, бесстрашная, живая, с каждым днем она становилась все задумчивей и сосредоточенней на себе.

Эх, Тома, Тома. Недавно – наивная непоседливая девочка с богатым воображением, запертая в скорлупе родительского мирка. Красневшая из-за двусмысленной фразы или нескромного жеста. Стеснявшаяся и сторонившаяся всего, что касалось отношений мужчины и женщины. Кто мог подумать, что ее так заинтригуют из ряда вон выходящие игры. Увы. Чужая душа – что звезда над горизонтом жизни, светящая оттуда узким проблеском света и тем похожая на задницу. Каким образом похожая? Элементарно. Главное, понять, что мы – внутри.

Кто хотя бы раз в жизни смотрел или читал произведения в стиле фэнтези, знают про красавцев-эльфов и омерзительных орков. Везде тиражируются эти образы. Но не все помнят, что орки – тоже эльфы. В прошлом. Просто однажды их окунуло в другие условия существования.

Человолки были людьми. В прошлом.

Мы с Томой тоже были людьми. В прошлом. Настало время орков?

– Что-то знакомое за следующей горой. Мы там не были? – мотнув вперед головой, прошелестела Тома, запыхавшаяся, отчаянно перебирившаяся с камня на камень чуть ниже меня.

– Там причал и кладбище, – сообщил я. – Оттуда мы в первый день смотрели на эти горы.

На взгляд человолков наш неслышный шепот на ушко выглядел проявлением симпатии. Не то мордой потерлись, не то лизнулись. Следовавшая по пятам Пиявка ревниво гавкнула и, перестав дышать мне в зад, обиженно спустилась ниже по склону. Я вздохнул с облегчением.

Неприятно, когда кто-то смотрит тебе в не самое удобное место. Причем постоянно. Пусть и с симпатией.

Внизу притягивала взор замечательная травка, просившаяся под ноги и руки. Нет, стая упорно кралась по скалистым навесам. Вожак показывал дорогу. Когда уставшая Пиявка, экономя силы, решила спуститься ниже, раздался громоподобный рык. Нарушительница прижала голову к земле и быстро вскарабкалась выше всех.

По дороге ели какую-то кислую траву, наподобие знакомого шавеля. Горьковато, но съедобно. Вожак прием пищи не регламентировал, главным считал добраться до определенного места.

Привал устроили во второй половине дня, когда солнце миновало больше половины небосвода. Вожак разлегся на голом каменистом выступе, вокруг расположилась подтягивавшаяся стая. Укладывались кто где мог. Задержавшиеся альфы, беты и гаммы сгоняли всяких омег с обустроенных местечек. Первому досталось Смотряку. Чтя традиции, он занял одно из худших мест, но даже оттуда его пинком вышвырнул Живчик. Мое место почему-то приглянулось Гиббону. Он лениво рыкнул, движение руки смело меня как пушинку, грузное волосатое тело бухнулось рядом с Томой. Стальной капкан пальцев перехватил ее ногу, поднявшуюся, чтобы двинуться ко мне, и дернул назад. Я подскочил и впился зубами в запястье громилы.

Неверящий рык сотряс скалу. Гиббон легко стряхнул меня, едва не оставив без зубов, но одновременно выпустил Тому.

Тома шаракнулась, прячась за меня. Я встал между ними, вжимаясь в землю руками и ногами. Гиббон очумело глядел на меня. Осознав произошедшее, он стал медленно наливаясь яростью. Глаза сузились. Мышцы напряглись...

– Гррр! – раздался сзади голос надвигавшихся неприятностей.

Их олицетворение смотрело на нас. «Мы в походе, – сказал взбешенный вид вожака, – и кто начнет ненужную свару – здесь и останется».

Гиббон нервно сглотнул, отвернулся, я осторожно попятился. Тома обняла меня за талию, лицо уткнулось мне между лопаток. Ее тряс озноб. На жаркой солнечной полянке.

Стая заняла весь каменистый выступ целиком, немного места осталось только около Пиявки. Взяв Тому за руку, я двинулся туда, аккуратно переступая тела новых сородичей. Ладонь Тома, зажатая в кулаке, ответно вцепилась в меня, как вирус в незащищенный компьютер.

Правило трех опор здесь сократилось до двух опор. Рука, ступня. Ступня, ступня. Большие ворочавшиеся тела подо мной нервно замирали, давая пройти, ногу при этом приходилось задираť очень высоко, будто человек-волк превратился в человека-паука.

Увидев, кто идет, Пиявка разлеглась бесстыже-искренне, делая вид, что дремлет. Сквозь прикрытые веки поблескивали в мою сторону щелки следящих глаз.

Тома остановилась. Ничего не имея против собственного кавалера, она почему-то невзлюбила мою ухажерку. Между Пиявкой и крупным самцом, презрительно повернувшись к той задом, оставалось место для одного. Для двоих – только в обнимку.

– Ложись, – горячо продышала в ухо Тома. – Я потом втиснусь.

Пожалев ее чувства (ну и дурак, она мои не жалеет), я опустил ближе к самцу, которого нарек Жлобом. Томе осталось прижаться ко мне сзади... но с недовольным рыком Жлоб вдруг откинул меня локтем. По ощущениям локоть оказался железным. Из груди у меня вырвался стон, тело ненадолго обрело невесомость и обрушилось на Пиявку. Ждавшая совсем другого, она взвизгнула, заваливаясь на скорчившегося совсем юного человолчонка, который закрепился на самом краю обрыва вместе с братцем. Их едва не сбросило вниз. Юнец вцепился в мягкие ткани неожиданной добычи, но, получив оплеуху, с плачем отшатнулся. Жлоб обернулся назад и опрокинул Тому на освободившееся место, тем решив проблему и снова отвернувшись. Пиявка приглашающе разостлалась подо мной, восторженно скалясь.

Дурдом. Я поднялся с упорно цеплявшегося и не желавшего отпускать тела. Пришлось ударить его по рукам-лапам. Невдалеке встал Смотрик, следивший за нашими перипетиями.

– Ррр! – Указав на свое место, он запрыгнул на острый неудобный камень и сел, привалившись к холодной скале. Типа, я отдохнул, теперь давай ты.

Спасибо, конечно.

– Рр! – поблагодарил я, добравшись до места.

Однажды сделанное добро вернулось. Приятно.

Отдыхали мы минут десять. Вожак решил, что достаточно, гортанный рев возвестил продолжение похода.

Расслабившиеся мышцы вновь заняли от усилий, к старым ссадинам на ладонях прибавились новые. Теперь стаю вели по диагонали вниз. Цель, как мне кажется, определилась: грязная лужа между скал. Почва, залитая капающей с камней водой, была похожа на лечебную грязь – такая же плотно-маслянистая и вонючая. Вожак ввел стаю прямо в лужу.

– Ррр! – скомандовал он.

Тома непонимающе глядела на меня.

– Будет охота на волков, – шепнул я.

На моем счету было пять охот. Ни одной личной добычи, зато ни одного ранения. Можно гордиться. Не всем так везло.

Человолки зачерпывали грязь и вымазывали друг друга с ног до головы. Каждый каждого, строго следя, чтобы не осталось ни кусочка свободной кожи. В несколько слоев. Руки, ноги, спины, животы. Волосы, лица, подмышки, промежности. Ничего не пропускали. Зазевавшейся или хотевшей что-то спросить Томе услужливо втертая кем-то грязь попала в рот. Она шумно отплевывалась.

Меня заботливо охаживала Пиявка. Лизать она в такой ситуации не могла и компенсировала тактильными ощущениями: зачерпнув полную ладонь, втирала отвратную жижу мне в спину, как при массаже выделяя каждый позвонок, каждое ребрышко, каждую выпуклость лопатки. Втерла целое море в макушку и затылок, затем почти любовно заляпала мне уши, провела ладонью по лицу. Я едва успел закрыть глаза.

Почему она избрала меня? Мелкого, неопытного, безрангового. Восхищается безрассудной отвагой, с которой я защищаю Тому от всех, невзирая на их силу и положение? Чувствует некий потенциал? Хваленая женская интуиция, помноженная на звериную? Хорошо, если так.

Чужие руки довольно приятно «мылили» мне жидкой грязью заушные впадины, задранную вверх шею, подбородок, ключицы.

– Мррр... – говорила Пиявка.

Волки гавкают, а не мурлычат! – хотел сказать я... но подставленная горстью ладонь угодила в раздвоение ног. Подобрались и оцетинились сжавшимся вельветом мешковатые шарики.

– Я сам! Тьфу, рррр!

Оттолкнув самку, я испуганно оглянулся на Тому. Ей было не до меня. Возле нее столь же деятельно вертелся Смотрик. Ну, кто бы сомневался. Его руки старательно натирали ее выставленную вверх спинку, а ее рука...

«Вместе с одеждой женщина совлекает с себя и стыд», – сказал какой-то древний грек. За пару тысячелетий ничего не изменилось.

Глава 5

Полюбить, говорит народная мудрость, можно и козла. Но можно ли продолжать любить козла?

Смотришь на иного: ну и козел... Ну, в натуре, козел. Без базара. И как только ухитрился умницу-красавицу на свой скотный двор привести, чем завлечь. И такие домыслы начинают плодиться, такие слухи роятся... Все странной паре скорое расставание пророчат, нередко с кровавым мордобитием. Вплоть до смертельного исхода. А пройдет время, поглядят люди на сладкую парочку лет через дцать... Боже, они же на одно лицо! Одни слова, одни мысли, одни реакции на чрезвычайные ситуации. Даже выражение лиц становится одинаковым. И он вроде бы теперь не совсем козел... И она – козочка еще та, такая же умница и красавица, только с козлятами... Что произошло? Кто помог? Любовь?

Жизнь сложна и непонятна, никто не знает, откуда что берется и как работает. Как сводятся нити судьбы, кто тянет за кончики и зачем. Неужели Томе настолько нравится Смотрик? С моей точки зрения – козел козлом, к тому же молодой, неотесанный, да еще беспородный. Ладно бы человек был хороший, как я пошутил однажды. Но он вообще животное!

– Тома! Со Смотриком – ты серьезно? – не выдержал я, когда превратившаяся в коричневых чертей стая двинулась дальше. – Он же не человек! Его нельзя любить по-настоящему, с ним не создашь семью...

– Что ответил Горинский Калиостро на утверждение, что любовь – божественное чувство? – оборвала Тома, отпихнув грязной мордочкой и ответно приникнув к уху. – Он ухмыльнулся: «Огонь тоже считался божественным, пока Прометей не украл его. Теперь мы кипятим на нем воду».

– К чему это ты?

– Любовь и семья перестали быть божественными. Все меньше душевного трепета, безумных неожиданностей... и даже телесного восторга.

– Тебе не нравились порядки царисс. Теперь защищаешь нравы человолюков?

– Нисколечки. Я защищаю свое право на удовольствие.

– Любое право надо заслужить. Право предполагает обязанности. Твоя первая обязанность – оставаться человеком.

– Зануда и педант. Вредный, противный. И за что я тебя терплю?

– Заботливый, обстоятельный, обязательный.

– Ну, если только так. А я какая?

– Красивая, умная, самоотверженная.

– Prrrrrr! – зарычали на нас сбоку, что-то заподозрив в подозрительных трениях ушей с губами.

Тома вспорхнула на ближайшую скалу так, будто крылья прорезались.

Перед тем как одолеть последние километры, вожак заставил всех пожевать вонючую траву, перебившую даже запах грязи. Затем он долго принюхивался. Направление ветра определило дальнейший путь.

Передвижение человолюков в «камуфляже» выглядело скатывавшейся горной лавиной при отключенном звуке. По камням неслышно скользили тела, имевшие тот же цвет. Все выделявшееся исчезло. Темные и светлые волосы превратились в одинаковые клубки змей или червей. Груды ослепли. Коричневые, красные, розовые участки, что ранее хоть как-то раскрашивали кожу, скрылись под маскирующей пеленой. Не стало веснушек, родинок, болячек и шрамов, лишь морды периодически вспыхивали цветовым безумием: на пятнистом мокро-черном и подсушенно-сером фонах при улыбке отворялись алые жерла, обрамленные щербато-белым. Светились жизнью и смертью глаза, блестящие в черных провалах.

Нашествие ночных клоунов. Восставшие мертвецы на первой стадии эволюции. Племя горных кикимор.

В общем, видок еще тот.

По крутым скальным отрогам стая добралась до спускавшегося с неприступной вершины ручейка. Пробивший в камнях дорогу, он уходил далеко вниз и терялся в дремучем лесу. Единственный водопой в этой части предгорья. Вожак распределил места. Стая рассредоточилась, залегла, растворилась в скалах.

Засада. По предыдущему опыту, ждать предстояло от часа до заката. Можно вообще не дожидаться.

Волки появились внезапно. Большая стая, такой я еще не видел. Когда часть втянулась в скальный разрез, уводящий к воде, человеки бросились в атаку. Тишина порвалась, как резиновый мячик, на который наехал каток. Вой, визг, скулеж. Грозное озлобленное рычание. Хруст костей. Снова вой. Тома испуганно ойкнула и присела. Я привстал, пожирая глазами происходящее. Мозг запоминал. Делал выводы. Учился.

Те волки, что оказались снаружи, почуяв или увидев человеков, бросились наутек. Остальными занялись крупные самцы и самки, разбираясь с каждым вдвоем: на пятившегося или присевшего прыгали с двух сторон, локтем или коленом проламывали грудины, ломали лапы, били в брюхо. Прыгнувшего сбивали на лету, ударяя в бок или хватая за ногу, затем били о камни и тоже ломали что получится – хребет или лапы. Похоже на айкидо: энергию волчьего прыжка использовали против волка. Реакция человеко-зверей была не хуже зверской. Клыки редко доставали цель. Если доставали, то специально двигавшуюся руку, отводившую угрозу и подставлявшую мохнатое чудище под завершающий удар.

У главных бойцов все было хорошо. В это время на нас, неопытных низкоранговых, мчался волк. Здоровенный кобель. Или казавшийся здоровенным. Еще бы, когда на тебя – такое. С раззявленной пастью. Клыки – с мой палец каждый.

Конечно, он мчался не на нас, а через нас на свободу. И ушел бы, будь это моей первой охотой.

Я отшатнулся, толкая волка на лету, как делали другие. Получилось. Но ни Тома, ни Смотрик не двинулись с места, не поддержали, не перехватили. Упавший монстр мгновенно развернулся на месте и бросился на меня.

По коже чиркнула когтем и окатила грязным мехом тяжелая туша. Едва уклонившись от клацнувшей челюсти, я больше не думал о нападении.

Стоп. Нельзя отступать, защита – смерть, нападение – жизнь. Я обернулся, пригнулся и зарычал. Позади меня опомнился Смотрик и тоже рыкнул. Присоединилась подстегнутая инстинктом самосохранения Тома, чей организм вдруг сообразил, что спасая меня, он спасает себя.

На трех противников волк не бросился. Поджав хвост, зверь осторожно попятился. Мы двинулись на него. Он прыгнул назад, туда, откуда явился. А там уже ждали. Взвизг, хруст, победный рык. Поднявшийся на задние лапы Гиббон продемонстрировал добычу.

Добычи оказалось много. После обильного пиршества остатки разделили на месте и разделили на всех носильщиков.

Прежде чем уйти, вожак заставил стаю отмыться от грязи и крови. Правильно, нечего нести домой всякую гадость. Стая растянулась вдоль ручья, привычно сгоняя с лучших мест низкоранговых. Одиночки мылись сами, пары помогали друг другу. Косясь вокруг, я делал быстрые выводы и поступал как остальные. Снова всем бросилось в глаза, что мы с Томой не пара. После многих тычков и рыков мы оказались далеко внизу по течению, вода к нам стекала уже грязной. Но все же вода. Засохшая грязь, стянувшая кожу противной коркой, едва растворялась. Проще соскоблить. Встав прямо в воду, мы жутко терлись, не успевая зачерпывать. Иногда бросали взоры по сторонам. Ситуация обретала неуместное постоянство: выше

меня оказалась Пиявка, с вопросительным укором улыбающаяся в тридцать два зуба-клыка, не забывая соблазнительно изгибаться. Ниже Тома – неистребимый Смотрик. Он страстно желал помочь, но сейчас правила не позволяли. Его руки-лапы мощно работали над собой, а взгляд не отрывался от прекрасной соседки.

Потянув Тому за пойманную в движении руку, я перетащил ее на свое место.

– Хоть на одного, но чище, – объяснил я свой маневр.

Она сделала вид, что поверила.

Теперь Смотрик глядел только на то, что тер.

Возвращаться вожак разрешил нижним путем, легким и безопасным – не нужно прятаться, скрывать запах и следы. Следующий выход в эту сторону будет не скоро. Я уже выучил повадки стаи.

Темный проем родной пещеры распахнулся перед нами далеко за полночь. Вожак придирчиво отследил складирование добычи рядом со своей лежанкой, дальнейшее его не интересовало. Наступало время моего беспокойства. Несмотря на дикую усталость, ненужные приключения возможны, и я без разговоров занял такое место в нашем углу, чтобы лечь можно было только по бокам.

– Собака на сене, – хмыкнула Тома, вздернув подбородок.

– Волк, – поправил я.

Она возлегла между мной и большой острой каменюкой. Смотрик, скользнув по нам быстрым взглядом, примостился с другой стороны, около стены. Ко мне четвероного подбрела и постояла в немом ожидании на что-то надеявшаяся Пиявка. Несколько минут полного игнорирования расставили все по полкам, и, недовольно рыкнув, она ушла.

– Дурак, – прошуршало в ухе с Томиной стороны.

– Особа с заниженной планкой социальной ответственности.

Тома вспыхнула:

– Это кем ты меня сейчас обозвал?!

Несмотря на шепот, ее услышал не только адресат.

– Rrrr!

Я отвернулся. Смотрик лежал ко мне спиной, дыхание было ровным и глубоким. Ага, как же, так и поверю, что он сразу уснул. Но теперь я в середине, не пошалишь.

Вздрыгнув от приснившегося кошмара, я вскидывал лицо... но все было в порядке. Снова проваливаясь в сон, я все равно оставался начеку. Один глаз инстинктивно приоткрылся, когда Тома поднялась и осторожно направилась к выходу, стараясь никого не разбудить. К выходу – это нормально. Я обернулся на соседа. Дрыхнет. Отбой тревоги.

Сон длился недолго, что-то заставило проснуться. Не шум. Скорее, нелогичная тишина.

Оба места вокруг меня пустовали. Заговорщики, якорь им в почку. Ведь не сговаривались, а поняли друг друга. И усталость их не взяла. Нужно спасти Тому. От нее самой.

Тихо выбираясь из пещеры, я проследил за взглядом дозорного. Как и следовало ожидать. Кстати, идея. Можно сбежать, пока стража развлекается зрелищем. Обидно, что частью необходимого зрелища была Тома. Остальным по такому поводу выходить не нужно, пещера для того и дана. Весь план насмарку.

Голубки блаженствовали на площадке по другую сторону от выступа, куда ходят облегчаться. Куцая травка не скрывала происходящего. Тома раскинулась на спине, предоставив языку кавалера полную свободу действий. Расположившийся в ногах дружок поочередно колдовал над ее лодыжками, икрами, коленками, бедрами. Смотрик старался. Язык был уже не языком, а сторуким божеством, дарившим такое наслаждение, что Тома таяла, плавилась и расплывалась на атомы, как полиэтилен над огнем. Тишина звенела колокольным боем колоktivшегося о грудную клетку сердца. Меня словно загипнотизировали. Такое – прямо передо

мною. И с кем?! С человеком, которого я считал частью себя. Теперь в эту часть словно ржавую арматуру воткнули и медленно проворачивали, было больно и противно.

А Тому унесло в мир иллюзий. Юркое орудие гуляло по твердым голням и гладким коленным чашечкам, добираясь до очаровательных ямочек, упирающихся в перечеркнутый овал дна. Клякса чужой светлой гривы покрывала половину ристалища, где обладатель мягкого меча превращал нестигаемого воина в беспомощного инвалида. Наркомана подсаживали на иглу. Жертва бездумно и радостно изгибалась навстречу влажному бесчинству, ноги больше не желали признавать родства и требовали развода. Луна закатилась, взошла Венера.

Невидящий взгляд широко раскрывшихся куда-то внутрь глаз вдруг встретился с моим. Обнаружив обалдело замершего меня, Тома небывалым образом вновь восприняла это как должное. Или вовсе не заметила. В ее состоянии легко не заметить.

Нет, все же заметила. Стыдливая краска жажды запретных, но таких откровенных чувств залила ее с ног до лица, опутанного развевавшимися на ветру волосами. Тому топило в этом океане неясности и простоты, перехватывало дыхание... но, видимо, сразу прорезались необходимые жабры. Она улыбнулась вымученно-сладко, с усталой радостью, и веки ее сами собой прикрылись. Организм содрогался в предварявшей последнюю черту агонии. Воющий глухой стон на пределе восприятия, почти в области инфразвука, пробрал до печенок.

Тут Смотрик заметил меня. Словно ушат воды ухнул ему на подобранный загривок. Он отшатнулся, точнее, его отбросили инстинкт выживания и собственное сознание, взявшее, наконец, ситуацию под контроль. Нечеловеческий ужас взорвался безмолвным ором и попытался спрятаться в глубине глаз, забывших, как моргать. На балу Золушки пробило полночь. Прекрасный принц вновь стал замызганным испуганным мальчуганом, обелиск опал, обратившись в страшенькую сморщенную горгулью на фасаде готического собора, сказка опять стала былью.

Отрешенно улыбаясь, Тома нехотя приподнялась.

– Если хочешь, чтобы за тебя отвечал он, – тихо, но четко заявил я, – продолжай в том же духе. У меня сейчас была возможность сбежать. В следующий раз я ей воспользуюсь.

– Чапа! – В шепоте Тома не спадал восторг. – Он назвал меня по имени!

– Бред.

– Неправда! Гляди. Смотрик, как меня зовут?

Парень молчал, перебегая безумными глазами с меня на Тома и обратно.

– Ну? – подбодрила Тома. – Не бойся! Скажи еще раз!

– Тома, – выдавил он, в отчаянии оглянувшись на дозорного.

Тот начал проявлять к нам повышенный интерес.

– И медведя можно научить кататься на велосипеде, – буркнул я. – Смотрик – человек, не собачка. Гортань обычная. Услышал, повторил. Делов-то.

Увидев, как страж грозно приподнимается, Смотрик первым юркнул назад в пещеру.

Мы скорбно побрели за ним. Страж злобно рыкнул из своего защищенного каменного закутка. Не то за разговорчики, не то за обломанное кино. Жаль, нам с Томой не светит дежурство на выходе. Если только лет через...

Даже думать не хочется. Дежурство – почетная обязанность высокоранговых. Именно для того, чтобы подобные нам чего-то не натворили. А если бы не страж...

Давно в голове сидел план: разматываю пращу, пробиваю голову дозорного камнем, и – свобода!

Нет, полет камня невозможен – из пещеры место дежурного едва просматривается сквозь колоннаду сталлагнатов. Чтобы увериться в попадании, нужно выйти наружу и снимать с ноги-раскручивать-запускать у стража на виду, прямо в морду. Вой тревоги поднимет стаю раньше, чем вылетит камень. То же с нападением врукопашную. Ни со спины, ни спереди не успеть. Был бы у меня меч...

И что? Появился бы шанс победить в прямой схватке, не больше. Поднять тревогу противник все равно успеет.

Опередив Тому, я вновь насупленно улегся в середину. Тома заняла место с другого края и укоризненно-мстительно сощурилась, словно я злой бабайка, отобравший у ребенка игрушку. Но, во-первых, я не бабайка, и злым бываю очень редко. Во-вторых, Смотрик не игрушка. В-третьих, Тома давно не ребенок.

Так заснули окончательно, усталость трудного дня взяла свое. И ничего не снилось, кроме черноты, пустоты и страшного одиночества.

Глава 6

Можно ли считать праведников таковыми, если, попав в рай, они наслаждаются своим положением – в то время как грешники мучаются в аду? Тогда они не праведники. А если не наслаждаются, если тоже мучаются, пусть из сострадания... то какой же это рай? А если это не рай... то они тем более не праведники, раз уж туда попали! Такие мысли лезли, когда я смотрел на своих подопечных. Недовольные чрезмерной заботой, ощущаемой как вмешательство в личную жизнь, открыто они не возмущались. Даже Тома молчала, делая вид, что все по-прежнему. И ну ничегошеньки не происходит.

Наступивший день у стаи был праздничным. У нас с Томой – разгрузочным. Никто никуда не собирался. Ели, спали, грызлись между собой за остатки мяса. Наша напряженная троица валялась в своем углу в установившемся порядке – со мной в середине. Я следил за Томой и Смотриком, они не оставляли без внимания меня. Но я знал: развернуть знамена можно только идя против ветра. Меня не сломить. Они это видели.

Надолго ли такое затишье?

Днем из-за лакомого куска печени подрались Гиббон и Жлоб. Впервые я видел, как два громадных самца смотрели на другого как на врага, не соперника. Задние ноги скребли когтями камень, передние готовились рвать и убивать. Но едва выстрелившие навстречу друг другу тела сцепились...

– Гррр!

Туша вожака прилетела чугунным ядром из пушки, и оба немаленьких гамадрила разлетелись в стороны. Вот это силища. Вот это опыт. Вот это истинный лидер, пекущийся о своем небольшом народце. Не приведи судьба однажды связаться с несусветной горой мощи, не зря занимавшей высокое положение.

Больше ничего интересного не произошло. Сыто порыгивая, к вечеру довольная стая расплзлась по местам. Детишки утихомирились, взрослые с наслаждением урчали, переваривая казавшееся неперевариваемым. Лежа на спине, я поочередно поглядывал на своих взвинченных соседей. Они напоминали влюбленных, которым предстоит долгая разлука. Которых тянет друг к другу... но обстоятельства, в лице злобного коварного меня, против. Они хотели быть вместе и не могли. Потому что я – против. Действительно против.

Тома вдруг обернулась:

– Какой сегодня день?

– Недели?

Вспомнил же. Кого это волнует, кроме ортодоксальных иудеев, каковых среди нас вроде бы нет. Да и работать здесь не надо, ни по субботам, ни вообще.

– Число! – требовательно подсказала Тома. – Какое сегодня число?

Мозг зажужжал, вспоминая давно забытые термины: календарь, число, месяц.

– В стае мы видели четыре полных луны. Значит, прошло больше трех месяцев, – выдал я первое, что сосчиталось в уме. – Уже осень. Сентябрь. Но здесь такой климат, что от лета не отличишь.

– Ты не считал дни? – Тома почти возмутилась.

Это возмутило меня.

– А ты?

– Я думала, ты считаешь. Зачем повторно делать дело, которое кто-то уже делает?

Не понимаю женскую логику, если она существует. Решить для себя, что чего-то не надо делать, потому что, возможно, другой делает, а потом обвинить другого, что не сделал – каково?!

– Поинтересовалась бы. Я не считал. То есть, сначала считал, но сбился на втором десятке.

Чутьочку насупившись в стиле «Не подходи, я обиделась», Тома отодвинулась. Плечи и вся вытянувшаяся струной спина легли на прохладный камень, глаза уставились в потолок, одна нога закинулась на другую. Руки сложились на животе. В позе трупа, задумавшегося о проблемах мироздания, Тома взялась считать сама, перебирая пальцами, словно счет велся именно на них:

– С третьего июня, когда мы заказали полет, получается... В июне тридцать дней? Ой, ты чего?!

Ее ошалелое лицо отшатнулось от возникшего перед носом кулака.

– По косточкам кулаков считать умеешь? – спросил я, быстро возвращая кулак на место. Пугать вовсе не хотел, но раз уж напугал... лишь бы на пользу.

– Это как? – Томе не верилось, что кулак показан не в воспитательном плане, а чисто информативном.

– По косточкам и провалам. Ставишь два кулака рядом и, начиная с января... – Заметив полное непонимание, я помотал головой. – Потом объясню, иначе никогда не поговорим. В июне – тридцать, июль и август – по тридцать одному.

Закатив глаза, Тома сосредоточенно считала:

– Двадцать восемь на три – восемьдесят четыре. Плюс еще одна-две недели. И еще четырнадцать в Дарьиной школе. От ста пяти до ста двенадцати. Лето – это тридцать и два по тридцать одному. Минус первые три. Значит...

– Не пойму твоих рассуждений, – признался я.

– Умножаю количество дней в лунном месяце на...

– Какую цифру умножаешь?

Почесав пяткой голень, Тома подозрительно покосилась на меня:

– В лунном месяце сколько дней?

– Двадцать девять дробь пятьдесят три. И что-то в тысячных.

– Мне казалось, что двадцать восемь, – огорчилась она, снова укладываясь затылком на камень.

Правую руку она для удобства положила под голову, пальцами левой принялась постукивать по впалому животу. Животы что у нее, что у меня с недавних пор выглядели как недавно посещенная долина с озером – тоже со всех сторон вздымались скалы костей таза и высокие горные хребты ребер. И даже лесок имелся. Пока мысли не принялись искать аналоги остального, я приблизил лицо к Томиному уху, сообщив:

– Бери двадцать девять с половиной, почти не ошибешься.

Тома долго колдовала в уме, затем взмолилась:

– Посчитай, пожалуйста, ты.

– В первый день Дарьиной школы полнолуние пришлось на пятое июня, – вздохнув, начал я. – Потом их было еще четыре. Сто восемнадцать дней. С последнего полнолуния прошло около двух недель. Надо посмотреть на луну, скажу точнее.

– Сегодня почти новолуние, – подсказала Тома.

Я посмотрел на нее огорошено:

– Мы в этом мире сто тридцать три дня!

– Точно? – как-то огорченно вымолвила она.

– Плюс-минус день. Ну, два.

Середина октября. Ничего себе.

Тома смотрела на меня странно, с каким-то намеком, или ожидая чего-то. Куда клонит? Чем я опять провинился, ни сном, ни духом о том не ведая?

Пришло запоздалое понимание.

– Поздравляю с прошедшим, – виновато уронил я.

Третьего октября у нее день рождения. Был.

Снова она обогнала меня на год. Уже шестнадцать. В условиях звериной жизни – абсолютно взрослая особь.

Тома поглядела через меня на восторженного Смотрика. Потом вновь на меня.

– Ты мне ничего не подарил.

Вот откуда ноги растут. Я быстро оглянулся. Сгорбившийся Смотрик взволнованно прислушивался. С него я перевел взгляд обратно на мятущуюся Тому, на ее затуманившиеся влажные глаза, настороженные и смущенно-вопросительные. Она молчала. Потом стыдливо отвела взгляд.

В мозгах стучала очевидная мысль, которую до неприличия трудно сформулировать. Я пробормотал, выдавливая сквозь пересохшее горло раскаленный свинец:

– Ты хочешь в качестве подарка...

Слова закончились. Остались только чудовищные образы.

– Да, – одними губами прошептала Тома и резко опустила голову.

Удрученный Смотрик с какой-то самоубийственной мольбой воззрился в мою сторону. Камень под ним едва не плавился. Напряженными мышцами можно было колоть орехи. Ох, расколлот бы я...

В затянувшейся паузе Тома поникла, ссутулилась и сжалась.

– Ладно, – выдохнуло мое горло – неожиданно даже для меня самого.

Тома ошеломленно приподнялась на локтях.

– Пусть сделает тебе приятно, – благородно разрешил я, – но под моим присмотром. Один поцелуй. Только один. А потом спать. Договорились?

Казалось, внутрипланетная магма брызнула из тела Земли, и Гималаи обрушились с девичьих плеч. Тома, еще неверяще, слюняво чмокнула меня в щеку.

А что мне оставалось? Забыть о сне и покое, рьяным цербером охраняя чужую честь, и выглядеть идиотом, когда все же обманут? Если безобразие нельзя прекратить, его нужно возглавить, гласит народная мудрость.

– Постараюсь следить не слишком бдительно... – прошептал я в подставленное ушко, – но не зарывайтесь.

Сглотнув внезапный комок в горле, Тома неслышимо ответила, видя все, что творится в моей душе:

– Спасибо.

Еще один восторженный взгляд мне в лицо. Короткое благодарное объятие с легким касанием щек и уколом холодной грудью в пупырышках.

Я перебрался за Тому, она переползла на мое место. Глядя на упрямый задорный затылок, на ангельские крылышки лопаток, на струившееся белой рекой притворявшееся спокойным тело, я вновь подумал, стоило ли. Два голоса во мне твердили (а точнее – орали) прямо противоположное. Похоже на шизофрению. Но решение принято. Рукой главного распорядителя сцены я подтолкнул Тому к Смотрику, лицом к лицу, губы в губы. Их животы соударились всей плоскостью, создав вакуум поздравлявшихся пупков, зашедшие в экстазе сердца объединились в один оркестр. Его щека легла на ее подставленную ладонь, бедра переместились меж ответно раскрывшихся навстречу, как в обнимашках давно не видевшихся друзей. Рот Смотрика победоносно втек языком в Томины губы, а прижатая ее шеей рука вцепилась Томе в загривок, еще крепче притягивая к себе, к пышущему эмоциями лицу, к расплуснутой мешанине своих и чужих губ.

Когда от любви поет сердце, разуму лучше не подпевать, а дирижировать. В данном случае дирижировать предстояло мне. Но голова трещала в стучавших барабанным боем висках. Тишина шипела, шкворчала и требовала к себе внимания.

Я опрокинулся на спину и уставился в нависающий серый потолок. Трещины, которым миллионы лет, навевали дурные мысли: если на нас свалится огромный камень...

Нет, не надо, сто раз проходили: ляпнешь что-нибудь не подумав, а оно ка-а-ак сбьется...

Медленно досчитав до пяти, я поднялся: кто не успел, тот опоздал. Есть время разбрасывать камни, есть – собирать пришибленных. Заметившее меня чудо гороховое напоминало зайца, ополоумевшего от страха, но, несмотря ни на что, все же бросившегося на медведя. Бог слышит тех, кто кричит от ярости, а не от страха. Сжалившись, я досчитал еще до трех и только тогда схватил Томину лодыжку в заковыристом сплетенье ног и требовательно потянул. Тома не хотела отлипнуть, руками и ногами хваталась за покорно откинувшегося под моим взглядом Смотрика, пихалась, пыталась скинуть мою руку, сбив второй ногой.

Впервые в нашем углу возникла подобная возня, и в пещере поднялись удивленные головы. А чужое внимание, как давно усвоилось, в новом мире равно неприятностям. Пришлось применить силу. Клещи пальцев превратились в тиски, поясница – в кран, руки и грудь – в стреножившую смирительную рубашку. Оттащив Тому, я разделил влюбленную парочку своим телом и жестко посетовал:

– Мы же договаривались.

Горячее Томино ухо отдернулось, губы поджались с неутешной детской обидой:

– Мало!

– Много, – не согласился я.

– Я ничего не успела почувствовать!

– Зато он успел. И даже я.

Тома подозрительно свела брови, но не уступила:

– За пару секунд?

– Почти за двадцать, не считая твоего глупого сопротивления.

– Что такое двадцать секунд?! – почти выплюнула она в сердцах и мстительно прищурилась. – Да чтоб подарки тебе длились столько же!

Нечто в моем взгляде заставило ее закрыть рот ладонью:

– Прости. Я ведь так ничего и не подарила.

– Песенку спела, – напомнил я.

Тома задумалась.

– Ладно, подарок за мной.

Я пожал плечами.

– Никуда не спешу.

Глава 7

Утром вожак отправил стаю вниз и на запад – в сторону башни Варфоломеи. До нее должно быть примерно три-четыре дня неспешного пешего пути. Интересно, сколько это в километрах? С нашей горы башню не видно, рядом выступает другая гора. Возможно, она заслоняет. Или далекая дымка.

Еще интересно было бы добраться до Большой воды – до реки, что обтекает горы. Неужели скалы настолько круты, что нельзя подняться вдоль течения и посмотреть, что там, за ними? Для местных жителей это граница, на ней заканчивается известный мир. Значит, начинается новый, неизвестный.

Сыто рыгавшая стая, только что отзавтракавшая остатками пиршества, с удивлением глядела, как мы с Томой закидывали в себя все съедобное, не связанное с сырым мясом, что только встречалось по дороге: жирные листья, ягодки, чудесных хрустящих насекомых. Вожак не возражал против явного самоуправства. На сытый желудок ему было лень лишний раз рыкнуть, не то что куда-то тащиться и кого-то наказывать. К тому же, мы плохо выглядели, а больные члены стаи – плохие бойцы.

Едва шумевший предгорный лес принял нас в свое чрево, стая тревожно зашевелилась, что-то учуяв. Замерли. Вожак отправил вперед разведчика.

Через пару минут тот вернулся с радостным криком:

– Ррряв!

Стая со всех ног рванула вперед. Тома держалась меня, Смотрик держался ее, я следил за ними и за окрестностями: вдруг представится шанс слинять в человеческий мир?

Но вожак следил за всеми. Шанса не было.

Зрелище открылось не для слабонервных. Поле брани. Множество убитых: войники, бойники, рыкцари, еще непонятно кто, все вперемешку. Нет, вперемешку – это неправильное первое впечатление, рыкцари – больше с краев.

Разбойничьих трупов было не в пример меньше. Похоже, они напали, отряд какой-то цариссы защищался, сколько мог. Но гнук, он же наш лук, скорострельнее и дальнобойнее копьё. Оставшиеся в живых ушли, прихватив трофеи – оружие и доспехи, а выжить повезло немногим, потому что брошенного оружия осталось невероятно много.

Стая с людоедским наслаждением рвала свежее мясо, до которого еще не успели добраться волки, трепещущие потроха вынимались и съедались на ходу. Мерзко, противно, отвратно. Рвотные позывы заставляли отворачиваться от пирующих человекоподобных зверей. Впрочем, сейчас совсем не человекоподобных.

Мой взгляд горько скользил по разброзанному оружию. Был бы хоть маленький шанс...

Едва рука машинально потянулась к металлу, последовал рык вожака, который успевал и жрать, и контролировать.

Тому тошнило, она зарылась лицом в обхваченные руками колени, плечи мелко дергались. Ее не трогали. Конкуренция. Если кто-то не ест, остальным больше достанется.

Насытившись, людоеды принялись набирать мяса впрок. Сначала меня, затем Тому кто-то толкнул, призывая заняться делом. Наконец, просто сунули в руки по обтекающему кровью куску и на время оставили в покое.

Один из трупов привлек мое внимание. Во-первых, он был в очень знакомых цветах подспешных тканей, а во-вторых... не труп. Еще живой человек дышал. Неслышно, медленно, что и спасло от кровожадной стаи. Я склонился и зашептал ему в ухо:

– Вы – Варфоломеины?

– Ничего не скажу, чертов выродок, хоть живьем меня ешь. – Хрипящий голос едва пробивался из пронзенной груди.

Хорошо, что сил у бойца не было, иначе мне пришлось бы худо.

– Дурак. Где ты видел говорящего зверя? – Я осмотрел умирающего. Впрочем, не будем спешить с выводами. – У тебя опасное ранение, но, похоже, не смертельное. Отлежись. Прикинься мертвым, я прикрою от этих. – Подбородком я указал на чело­во­лок. – Если крови потерял немного, жить будешь. Доберешься до башни, передай царевне Зарине...

– Царисса...

– Слушай, что говорю. Не цариссе, а царевне Зарине. Скажи, что ангелы живы. И заколдованный принц тоже. Запомнил?

– Царисса Варфоломея... – донесся хрип, – и вся ее семья... погибла.

У меня похолодела спина.

– А царевна?!

– Варфоломею выманили из башни. Отряд разгромлен, башня в руках отступников. Всех убили.

– Всех?!

Холодный пот покрыл лоб. Зарина. Зариночка. Зорька.

– Мы были в деревне. Несколько человек. Когда узнали, что возвращаться некуда, при­мкнули к Евпраксии. Долго оборонялись, но сборный отряд не выстоял против орды рыкцарей с гнуками...

– Гррр! – раздалось грозно в мою сторону.

Стая уходила. Подхватив врученную ношу, я поскакал со всеми, не смея оглянуться.

В мозгу било: Зарина!

Мертва? Я не хотел верить. Отказывался верить. Войник не видел. Он так думает. Ему так сказали.

Но в мозгу по-прежнему стучало кузнечным молотом: Зарина мертва. Мое ненадолго взошедшее солнышко. Чудесный солнечный зайчик. Маленькая принцесса. Добрая, верная, почти родная.

– Что случилось? – спросила Тома, пристраиваясь рядом. – На тебе лица нет.

– На мне четыре месяца морда вместо лица.

Я быстро пересказал услышанное.

– Тебе нравилась Зарина? – догадалась Тома.

Я молча перебирал тремя конечностями, прижимая к груди здоровенный кус мяса. С него капало кровью. Словно из моего сердца.

Тома не успокаивалась:

– Если ты знаешь, каково жить без любимого... почему мешаешь мне?

– Не путай божий дар с яичницей. И не надо об этом сейчас.

Я отстранился. Не хотелось разговаривать. Я никого не хотел видеть. Вообще ничего не хотел.

Только по возвращении в пещеру ёкнувший желудок обиженно напомнил о себе. Стая ужинала мясом. Мои съеденные в пути ягодки-кузнечики давно переварились и усвоились, если не сказать больше. Томины вышли, не добравшись до желудка, еще на поле брани. Поэтому мы с Томой снова постились.

Чем дальше, тем хуже. Есть хотелось страшно. Подножная травка со склона не спасала, вода больше не желала заменять еду. Чело­во­лки наслаждались мясом, мы с Томой мучились. С наступлением темноты спать мы легли как прежде – со мной в середине, других конфигураций я больше не допускал.

Закрыв глаза, я стал уговаривать себя заснуть, выбросить из головы страшные мысли, успокоиться. Куда там. Зарина. Мое неумное Солнышко. Как и небесное светило, обжигавшая своей близостью. Иногда обжигавшая холодом. Но всегда – обжигавшая. Теперь ее нет. Как в это поверить? Разве солнце может исчезнуть?

Долго я ворочался, плыл, скрипел зубами, мешал соседям и накручивал себя. Очень долго. В конце концов, мы все же уснули.

Нет, это я уснул. Ненадолго. Настороженный организм среагировал на неслышное вставание Тома. Сквозь полусон веки приоткрылись, я проследил. Обычное дело, пошла к выходу. Но мы это уже проходили.

Я обернулся в другую сторону. Смотрик на месте. Пока. Я лег на спину, достал рукой до разметающейся гривы соседа и накрутил длинные волосы на ладонь. Пусть попробует встать незаметно.

Чувство выполненного долга подарило долгожданный покой. Наползающий тревожный сон взял свое. Но когда Тома вернулась, я ощутил нечто новое. Она вдруг притиснулась всем обжигающим фронтом. Искра настолько интимного соприкосновения потрясла меня, заставила съежиться, затаиться, раствориться. Тома положила руку на мою грудь, ногу бессовестно закинула на бедро.

С ума спрыгнула?!

Может, у нее приступ лунатизма? Или приняла меня за того парня? Но я не мог потушить пожар плавящегося мозга, не знающего, что делать, как делать, и делать ли... Говорят, лунатиков нельзя пугать. Но если до кондрашки пугают действия самого лунатика?!

Чужие пальцы перетекли на живот. И тут мою щеку нежно лизнули.

Вскидывая руку, я совершенно забыл, что на ней намотан свалывшийся соседский локон. Смотрик болезненно вскрикнул, мгновенно переворачиваясь на спину: «Только не бейте! Не знаю, в чем виноват, но слушаю и повинуюсь!» Его вытаращенные глаза застыли в изумлении. Впрочем, открывшиеся мои тоже. Тома стояла в стороне, со сдерживаемой усмешкой качая головой. Со мной лежала Пиявка. Страстный оскал и тупой зовущий взгляд созревшей самки вопили нетерпением.

Я вырвался, лягнул, Пиявка недовольно взревела. Мой ответный рык оказался серьезнее. Не дожидаясь возможного тумака, Пиявка удрученно отползла.

Со вздохом Тома прилегла на освободившееся законное место.

– Это я пригласила.

– Зачем? – в ступоре прошипел я.

– Подарок. Ответный.

Додумалась же. Неужели настолько не знает меня? Или гормоны ударили в голову, все меряет по себе? Я отвернулся.

– Зарина погибла, – виновато продолжила Тома. – Мне подумалось, что небольшая физическая встряска успокоит тебя, поможет забыться, пережить боль.

– Поможет измена?

– Ты о чем, какая измена? Кому? Той, которой больше нет?

– Измена ее памяти! – Я словно собрался в кулак: сжался, напрягся, смотрел исподлобья. – Не смей говорить, что ее нет. Не верю. В жизни бывает все. В войну людям приходили похоронки, а через годы живые солдаты возвращались домой.

– Я тоже на это надеюсь. – Тома погладила меня по руке. – Но мой подарок... от души. И от болезни души. Для тела. Для маленькой радости. К тому же, Пиявка... какая из нее соперница царевне? Даже в мыслях. Она – животное. Какая же это измена?

– Это не измена, – кивнул я, но Тома не радовалась, видя странный огонь в моих глазах. – Хуже. Это зоофилия!

– Хочешь сказать, что я тоже... это?

– Говорю только за себя. А ты думай.

Тома надулась:

– Пиявка – настоящее животное. Хоть и ладная девка. Каюсь, я была права. Но Смотрик – другое дело. Он не зверь.

- А кто? – с издевкой любопытствовал я.
- Он человек, случайно помещенный в звериные условия. Как мы с тобой.
- Ну-ну. Он тебе сам сказал?
- Скажет. Я научу.
- А он тебя чему научит?

Тома гневно сощурилась. Я снова отвернул голову.

Заснуть не получалось. В голове бил и бил неумолчный колокол: Зарина мертва. Глаза тупо смотрели в неровный каменный потолок. Одеревенелые мышцы вытянули организм по стойке «смирно» в лежачем состоянии. Только ручки сложить – вылитый труп.

Наверное, эта недвижимость и обманула Смотрика. Как голодная мышь, которая с опаской и неразумным бесстрашием подбирается к куску сыра, он вылез со своего места, боясь разбудить драчливого кота. Но уже не мог оставаться без сыра. Со скоростью старой улитки и грацией молодой змеи он выполз наружу, стараясь не шуршать, не шелестеть, не дышать, не жить... короче, парить, растворившись в воздухе. Он крался почти незаметно. Он очень боялся делать то, что делал. Но не мог удержаться от. Вновь не притронуться к. Остаться без. Опять не пройти по. Не смог потушить свой организм и не сломать сложившегося хрупкого равновесия. Возможно, он совершил первый Поступок в своей жизни.

Сев в Томиных ногах, Смотрик испуганно лизнул тонкую щиколотку.

И ничего не произошло. Или казалось, что не произошло. Из последних сил сдерживаясь, я продолжал ритмично сопеть, давая парочке возможность реабилитироваться. Увы. Тома была сейчас не Тома, а зачарованная Спящая Красавица. Впрочем... не совсем спящая. Добрый молодец сделал все, чтобы снять ненавистные чары. Она сонно заворочалась, потом чуть заметно, но так желанно и многообещающе подалась навстречу. И словно божественная музыка снизошла на пугливую тень, что шарахалась от каждого вздоха. Ангельский свет рассеял мрак. Воздух заплясал искрами благословенной радости. В мозгу Смотрика что-то вспыхнуло и перегорело, инстинкт самосохранения померк.

А Тома не желала выплывать из реальности сна. Не хотела понимать, где кончается скалочный туман и начинается явь. Это было сумасшествие, апофеоз победы демократии в одном отдельно взятом организме. Полный плюрализм мнений раздираемого на фракции разума, жаждущего всего и сразу. Тома не думала о будущем. Не могла думать, чтобы не разорвать мозги, прущие из черепной коробки, как пена после встряхивания газировки. Типа, будущего нет, раз не приходит. Вокруг – одно сплошное настоящее. Значит... Значит, она в своем праве? Отказавшись от будущего, бросив его псу под хвост, чтобы заняться желанным до коллик настоящим.

Нет ответа. Только мертвецкая тишина и беспокойные атакующие образы грядущего в голове и в трясущихся поджилках.

Казалось, кавалер заранее знал, что нравится партнерше, а что нет. Что бросает в дрожь, а что приводит к агонизирующему выплеску-изгибу спины, что делать сейчас и когда перейти к чему-нибудь новому. Такое, увы, неспроста – это либо опыт, либо настоящие чувства. И если последнее...

Черт подери, собаки нас тоже любят больше жизни, но это не делает их людьми.

А Смотрик продолжал. Он был нежным, был страстным, был яростным. Его язык двигался медленно. Двигался быстро. И снова медленно. Он был неутомим и осведомленно бережен. Сладостные спазмы партнерши заводили его, заставляя предпринимать что-то еще и еще. С раболепием неопита Тома отдавалась чужой неотразимой настойчивости. Я пытался уговорить себя лежать, ничего не предпринимая, и держаться, сколько смогу, пока не произойдет что-то из ряда вон. Короче, виртуально отсутствовать некоторое время, даря близкой душе возможность в меру сил наслаждаться выпавшим на ее долю капризом случая. Я ведь тоже люблю и понимаю, что значит – желать. Но у меня другая ситуация.

Зубы стиснулись. Но не щелки между ресниц.

Уверившись в безнаказанности, Смотрик поднялся во всей красе, окинул взглядом окружающую тьму и влез между торчащим камнем и Томой, повернувшись к нему спиной. Мою щеку обдал жар дыхания. Сложенные перед собой девичьи руки фалангами больших пальцев упирались ей в лоб, а локти почти касались меня, как и колени. Неужели она не видит, что я только изображаю спящего?!

Несмотря на тесноту, Смотрик изогнулся, притискиваясь всем телом – до восторга, до апогея нарастающей в геометрической прогрессии эйфории, и замер в ожидании чудовищного возмездия – глаза зажмурились, приготовившись к худшему. Но ничего не происходило. Тома не шевелилась. Я размеренно дышал высоко вздымавшейся грудью, хотя меня била дрожь. Коротило непредставимым напряжением выжигаемые мысли. Кулаки сжимались, зубы вполне отчетливо скрежетали. Тело готово было взлететь из позиции «на спине» прямо на представлявшего угрозу нахала.

Но: стараясь о счастье других, мы находим свое собственное. Настоящая любовь к ближнему – дарить ему такое счастье, которое в состоянии дать. А я не давал. Может быть, зря? Оставить все как есть. Не вмешиваться. Пусть Тома будет счастлива, как хочет. Как может. Если сможет. Ведь «возлюби ближнего своего», это, прежде всего, оставь ближнего в покое.

Чужие бедра вновь поздоровались и церемонно расшаркались с пылающим организмом Тома. Смотрик за ее спиной принялся еще больше изворачиваться. «Наутилус» шарил в поисках фарватера по впадине с фьордами. Тысячи маленьких иголок пронзили вскипевшие тела, из глаз сыпались искры. Разнузданные эмоции грозили взломом застывшим в ступоре мозгам.

«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уж нет.

И увидел я, Иоанн, город Иерусалим новый, сходящий от бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.

Ворота его не будут запираются днем, а ночи там не будет. И не войдет в него ничто нечистое. И голос сказал мне: свершилось!»

Свершилось?! Еще нет. В разверстые ворота храма стучался странник, жаждущий приюта в обители, мечтавший молиться в блаженстве стен двуглавого собора, в тишине залов с высокими куполами. «Се стою у двери и стучу. Если кто услышит голос мой, войду к нему и буду вечером с ним...»

Боже, прости за святотатственные сравнения, грешен, но только невообразимой возвышенностью можно было свести на нет измененность момента и вернуть мозги в разумные берега, ведь: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать, время плакать и время смеяться, время разбрасывать камни и время собирать камни, время обнимать и время уклоняться от объятий...»

Время уклоняться – оно пришло.

– Не надо, Тома, – прошептал я. – Подумай, что ты собираешься сделать.

Моя мольба не была услышана. Тома была рядом, но была далеко, в ее застывших глазах гулял ветер.

– Грр! – Не выдержав, вскочил я в боевую стойку, защищая то, что сама Тома защищать не хотела.

Смотрик в панике отскочил.

– Гррр! – пошел я на него.

И он сбежал. Позорно виляя и скидываясь. Забился в свой прежний угол, не борясь и не возражая.

Фильм Томиного восприятия пошел трещинами. Замелькали неправильно смонтированные кадры, и реалии прорвались сквозь заманчивые образы, унесшие в соблазнительное небытие.

– Вот пушай он, паразит, по морям и егозит, нам с тобою эту харю больше видеть не грозит, – отчего-то вспомнил я Леонида Филатова.

С намеком. Что больше не потерплю.

Растерянно моргая, отводя взор, Тома сжалась в клубок, потом шумно выдохнула и вдруг с уморительной укоризной процитировала оттуда же:

– Ну, случайно, ну, шутя, сбилась с верного пути. Дак ведь я – дитя природы, пусть дурное, но – дитя!

Не в бровь, а в глаз. Даже – не в глаз, а в мозг. Браво, первая валторна.

– А полезешь на рожон – выну саблю из ножен! – откликнулся я. – Ты хотя мне и подруга, а порядок быть должен.

– Сдаюсь. Спорить с тобой – все равно, что играть на скрипке в присутствии Страдивари.

– Вот и не спорь, – разрешил я. – И ты, наверное, имела в виду Паганини.

– Какая разница.

Ну-ну.

Грустно помолчали. Тома теребила пальцами, а ее глаза, остановившись, глядели, не видя. Сердце бурно билось, переживая недавнее.

– Не обижайся на меня, – покаялся я. – Не могу по-другому. То, что происходило, это... неправильно.

Тома нащупала мою руку и крепко сжала.

– Это ты не обижайся. Я... словно не я. Не знаю, что на меня нашло.

– Еще недавно ты была почти влюблена в Шурика, – сказал я, вновь склонившись к горячему трепещущему ушку.

– Почти не считается.

– Значит, сейчас – не почти?

– Сейчас другое.

– Гормоны, – примирительно сказал я, найдя слово для этого «другого».

Тома съежилась. Промолчала.

Больше мы не сказали ни слова.

Глава 8

Несколько дней мы жили как в бреду. Отъедались поздними ягодами и корнеплодами. Худые, как спички, с выпирающими ребрами, набрасывались на любую пищу, которая не успевала улететь или зарыться в землю, хрустели странной мелкой саранчой, чавкали дождевыми червями. Кто сказал, что это невкусно? Вас бы в гости к людоедам. Или предпочитаете сырое сердце, пульсирующее в руке и дергающееся, как только что пойманная рыбка?

Прошло очередное полнолуние. По моим расчетам, наступил ноябрь. Тома присмирела, на Смотрика глядела уничижительно, если вообще глядела. Тот делал робкие попытки приблизиться, но их гордо пресекали. Хотя взгляд Тома допускал возможность прощения. Был бы Смотрик не настолько труслив...

Труслив? Больше подходит слово «осторожен». Когда припрет, от него можно ждать любого сюрприза.

В далекие походы стая пока не ходила, достаточно уставала в ближних. Более теплый климат давал о себе знать: ни зелень с деревьев не облетала, ни трава не желтела – сквозь старую, пожухшую, упорно лезла молодая. Плоды на деревьях тоже не кончались, менялись только их виды. Одно отходило, наступал сезон другого.

Очередной ночью я крепко спал, как вдруг:

– Гав!

– Рр!

– Рр?

– Ррр!

– Гррр!

Не задумываясь, мозг перевел разговор двух челоуолков:

– «Приглашение».

– «Отрицание».

– «Удивление».

– «Повторное отрицание».

– «Угроза».

Ухо давно привыкло ко всем звукам стаи, от храпа до кашля, от детского всхлипа до воплей роженицы. Эти заставили тело подскочить на месте: второй голос принадлежал Томе.

Живчик подловил вышедшую наружу Тому. Дозорный – не в счет, ему нет дела до личных дел других. Как я услышал внутри пещеры?! Но ведь услышал. Мухой метнулся наружу. От задетого бедром сталагмита пошел гул. Во второй я просто врезался плечом на развороте, вызвав неудовольствие спящих. Хорошо, что никто не лежал на дороге, я наступил бы не задумывая.

Снаружи молодой самец надвигался на Тому, зажимая к скале. Оба – на четвереньках, нос к носу, глаза в глаза. Только Живчик в полтора раза крупнее. Тома пятилась. Огрызалась. Скалилась. Делала зверское лицо. Он не реагировал, продолжая теснить дальше. Через миг Томины ягодицы врезались в каменную преграду, спина поднялась, распластываясь и вжимаясь в шероховатый холод. Испуганно раскинув руки, Тома стала шарить ладонями по отвесному склону, словно в поисках двери. Дверь в другой мир? Я бы не отказался. Но в горе дверей нет.

Поняв, что птичка не улетит, Живчик спокойно опустился перед ней на корточки. Круговое движение мускулистыми плечами расправило их, как крылья, грудь красиво вздулась. Колени раздвинулись пошире, демонстрируя избраннице мужскую статью. Томины глаза со все возрастающим испугом косились туда.

– Ррр? – сально пророкотал Живчик, не отрывая порочно-хищного взгляда питона, который закручивается вокруг добычи.

Я выскочил сзади, принимая боевую стойку: ноги напряжились, грудь опустилась до земли так, что расправленные локти оказались выше лопаток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.